

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

ЯПОНИЯ И ГЛОБАЛИЗАЦИЯ

Москва 2001

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

ЯПОНИЯ И ГЛОБАЛИЗАЦИЯ

МАТЕРИАЛЫ ТЕОРЕТИЧЕСКОГО СЕМИНАРА ИМЭМО

Руководитель: академик В.А.Мартынов

Москва 2001

Авторы:

Леонтьева Елена Львовна

к.э.н., главный научный сотрудник Центра азиатско-тихоокеанских исследований (ЦАТИ)

Рамзес Вадим Борисович

д.э.н., зав. сектором ЦАТИ

Юрков Сергей Эдуардович

аспирант ЦАТИ

Мартынов Владлен Аркадьевич

академик

Подписано в печать 15.07.2001 Формат 60x84/8
Объем 6,0 п.л., 4,1 авт. л. Тираж 100 экз. Заказ 37
ОКОРОИ ИМЭМО РАН
Москва, Профсоюзная, 23

ЯПОНИЯ: НАЦИОНАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ РАЗВИТИЯ И ЕЁ СУДЬБА В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Япония – страна экономического успеха, сумевшая в исторически короткий срок стать одним из мировых лидеров. Но если ещё в 80-х годах во всём мире говорили, что XXI век станет «веком Японии», то 90-е годы (средний темп ВВП 1% в год) многие считают потерянными десятилетием, а о застое и кризисе этих лет говорят как о первом поражении Японии после второй мировой войны.

Япония типичное **национальное государство** с этнически гомогенным населением. Её новейшая история началась в 70-х годах XIX века, когда Япония вышла из феодальной изоляции с сильным национальным консенсусом: избежать участи колонии Запада. Японии нужны были западные технологии и институциональные примеры, и всё это было импортировано и усвоено. Но политических уступок и прямой финансовой помощи от Запада следовало избегать. Проведение ускоренной индустриализации опиралось на внутренние финансовые ресурсы. Эти ресурсы всегда были ограничены, подчас очень остро.

Япония дала **модель (образец) догоняющего развития** странам ЮВА, принадлежащим к ареалу китайской культуры, она одновременно часть Азии и страна, которая (в глазах этого ареала) сумела модернизировать экономическую систему, не теряя особенностей своей культуры.

Ещё в 70-х годах никем не оспаривалась роль суверенного национального государства в экономике и жизни граждан страны, решающей **задачи развития**: оно должно обеспечивать поступательный экономический рост, поддерживать социальную стабильность и правопорядок, перераспределять богатство и заботиться о благосостоянии граждан. Приоритеты, которыми руководствуется такое государство, сродни приоритетам мобилизационной экономики: главное – определение стратегически важных направлений и наращивание производства при концентрации дефицитных ресурсов на этих направлениях. Это выполняется только при ограничении конкуренции. Конечно, задачи военного и мирного времени различны, но на этапе «догоняющего развития» их объединяет некая **сквозная ценность**. Поэтому институты, поддерживавшие рост национальной экономики, в Японии получили название «**системы 40-х годов**». В послевоенный период экономический рост как главная ценность глубоко вошёл в общественное сознание: только так может быть создан экспортный потенциал. Только так решается острейшая для этой страны проблема нехватки физических ресурсов для промышленности, а значит, и всё остальное – проблемы рабочих мест, доходов, благосостояния населения.

Экономический рост был неоспоримым приоритетом, пока страна не стала второй в мире промышленной державой. На это место её вывел сектор крупных корпораций: в 70-х годах – как экспортёр товаров, а в конце 80-х – как экспортёр капиталов. В 1985-89 гг. зарубежные инвестиции Японии росли в среднем на 62% в год. Одной из причин этого явления было повышение курса иены к другим валютам, которое удешевило покупку зарубежных активов; другой – крупное положительное сальдо по текущим платежам и протекционизм на экспортных рынках.

Япония стала вторым после Соединённых Штатов международным инвестором в 1989 г., обогнав Великобританию. Она вошла в «триаду» стран-

инвесторов (США, Англия, Япония), на которую приходится около К мирового потока и запаса вывезенного капитала (намного больше, чем доля «триады» в торговле). Крупнейшие промышленные корпорации Японии стали **транснациональными**, повторив путь европейских и американских ТНК. Они ориентируются на условия глобальных рынков. Сейчас весь сектор публичных компаний (2900), кроме не экспортных, фактически состоит из ТНК. Я думаю, что выход деятельности крупных корпораций за пределы национальных границ показывает, что страна проходит **рубеж между интернационализацией и глобализацией экономики**.

Производственная сеть японских ТНК за границей даёт примерно 12.5% продаж (близко к уровню американских ТНК). Но в соотношении вывоза и ввоза капитала наблюдается очень **большой переко́с**: на март 2000 г. прямые иностранные вложения в стране (накопленный итог) = 18.5% прямых заграничных вложений. Формально иностранным фирмам предоставляется национальный режим. Фактически вся «система 40-х годов» и её институты до самого последнего времени блокировали доступ на японский рынок.

Поэтому, как только Япония стала экономической сверхдержавой, за её границами заговорили об устоях так называемой «системы 40-х годов» как об **аномалии**. Формальные нормативы и неформальные традиции японской системы считаются «некапиталистической рыночной экономикой». В ней доминируют частная собственность и частные корпорации, но деловая практика руководствуется набором неписаных правил и обязательств, которые темны и непонятны для посторонних.

Во второй промышленной стране мира **нет нормального рынка труда**, он негибкий из-за так называемого «пожизненного найма» и оплаты работников по стажу, а не квалификации и качеству работы. Есть внутрифирменная переподготовка кадров (квази-рынок), а нанять менеджера со стороны практически невозможно.

Нет нормального корпоративного управления: в корпорациях решения принимаются в интересах менеджеров, а не инвесторов. Корпорации максимизируют не прибыль, а свою долю рынка. Непонятно, кому они принадлежат, где у них центры принятия решений, какие критерии работают.

Нет института независимой фирмы: акционерные компании связаны между собой и с банками в группировки на основе перекрёстного владения акциями. Групповые отношения образуют межфирменную среду, которая непроницаема для посторонних (прежде всего для иностранцев). Фирмы культивируют и консервируют долгосрочные партнерские отношения.

Нет нормально работающих финансовых рынков: компании финансируются не столько на фондовом рынке, сколько банками («головными», контролирующими хозяйственные решения клиентов). Фондовый рынок не может справедливо оценивать фирмы. Смена собственника через рыночные слияния и захваты контроля невозможна – рынок не работает как механизм отбора жизнеспособных фирм.

Между фирмами и государством особые отношения, царит государственный патернализм, чиновники помогают становлению, развитию и свёртыванию целых отраслей – ведут протекционистскую промышленную политику. Она даёт японским компаниям несправедливые преимущества в международной торговле. Свободная конкуренция не работает – не она определяет стратегические приоритеты компаний.

Подлинный адресат этой критики – **сектор крупных корпораций**: структура собственности в этом секторе, методы управления, рынки факторов производства, на которых этот сектор работает, отношения этого сектора с государственной администрацией.

Обвинения в нарушении свободной конкуренции и экономической закрытости в 1989 г. были предъявлены Японии на высоком дипломатическом уровне – на японо-американских переговорах и **«структурных барьерах»** (structural impediments) в экономических отношениях между двумя странами. Американцы в 80-х настаивали на том, чтобы закрытая экономика Японии стала открытой. В Японии многие увидели в этом ущемление национальных интересов и покушение на независимость суверенного государства.

Кризис национальной экономики, который переживает Япония, возможно, есть последний автономный кризис, так как он не был прямо спровоцирован внешними ударами (ценовыми, валютными). Его причиной было то, что богатейшая высокоразвитая страна оказалась не готова к глобальной экономике. Институты, поддерживавшие «догоняющее развитие», сыграли свою разрушительную роль.

«Система 40-х годов» медленно менялась. В конце 80-х годов потеряла всякий смысл и **ушла в прошлое селективная поддержка** крупных корпораций по отраслевому принципу (разрешённые государством отраслевые картели). Что же осталось в силе?

Мощная государственная поддержка продолжала действовать в финансовом секторе, где государство не допускало финансовые учреждения до банкротств, и в не экспортных отраслях с преобладанием мелкого предпринимательства.

Японское государство имеет **сильные традиции протекционизма** и умеет «держат оборону» до последнего. Вот несколько примеров:

Фиксированный курс иены держался дольше, чем в странах Западной Европы. Он был отменён только в 1971 г. после того, как администрация Никсона отказалась от золотого паритета доллара. Два года спустя курс с 360 иен за доллар дошёл до уровня 265 иен за доллар), то есть поднялся на 24.7%.

Скупка риса у фермеров по фиксированным ценам велась до 1995 г. Субсидии фермерам, выращивавшим рис, привели к тому, что в течение многих лет в стране был избыток риса, а цены на него были примерно в два раза выше цен мирового рынка. Продовольствие дорого. Результат: владельцы сельскохозяйственной земли перестают её обрабатывать, но не продают участки; нет движения и концентрации земельной собственности; уровень самообеспеченности продовольствием упал до 46%.

Защита мелкой розничной торговли от крупных универмагов и супермаркетов держалась до 1996 г. Результат: высокий уровень торговой наценки в универмагах, огромный сектор мелкой торговли. Дискаунтеры появились только в последние 2 года.

Ограничения валютных операций для резидентов страны удерживались до 1998. Валютные расчёты велись через уполномоченные банки. Японские банки не открывали валютные и мультивалютные счета для резидентов (это делали только филиалы иностранных банков). В результате внутрифирменные расчёты ТНК с дочерними компаниями за границей пошли через иностранные банки.

Система государственной поддержки банковского сектора в традиционном виде держалась до 1999 г. Чтобы предотвращать системный

риск «набегов» вкладчиков, государство держало слишком высокую планку защиты (10 млн. иен, или 80 тыс. долл. на 1 депонента). В обществе была стойкая иллюзия полной безопасности от банкротства банков. Из-за слишком мощной подстраховки, которую банки получали от государства, менеджеры банков не испытывали дисциплинирующего влияния конкуренции. Подстраховка была многократная: в законодательном порядке (по лицензиям Минфина) - принудительная специализация финансовых учреждений; негласно – Банк Японии рефинансировал слабые банки по льготным ставкам, не афишируя этого. До 1984 г. действовали фиксированные ставки по депозитам – они были отменены только под нажимом администрации Рейгана.

Как всякая избыточная защита, эта система поощряла менеджеров банков к принятию рискованных решений.

Государственный протекционизм везде **обеспечивает ренты**. В Японии он выполняет (выполнял) функцию социальной политики. Оплачивает её всё население страны.

В экономике Японии до сих пор действует **двойственная структура цен**. Крайне низким уровнем эффективности отличается не только сельское хозяйство, но также строительство, розничная торговля, автомобильный транспорт. Цены этих секторов (особенно сельского хозяйства) определяют общий уровень цен на внутреннем рынке. Паритет покупательной силы иен, рассчитанный по потребительской корзине, в настоящее время составляет порядка 160 иен за доллар. Крупные корпорации-экспортёры выдерживают курс 90-100 иен за доллар.

Некоторые устои «системы 40-х годов» обязаны своим происхождением тому, что импортированные институты не действовали, так как важные правовые нормы отменялись либо не доводились до всеобщего исполнения. Например:

Оккупационные власти запретили перекрёстное держание акций в 1947 г. После массовой распродажи акций довоенных концернов и жёсткой бюджетной реформы Доджа (1949 г.) курсы акций упали ниже номиналов. Компании начали нелегально скупать акции друг у друга, и в 1951 г. от этой правовой нормы пришлось отказаться.

Перекрёстное держание акций стали способом защиты компаний от враждебных поглощений и основой долгосрочных партнёрских отношений между ними.

Структура акционерного капитала отличается плотными имущественными связями внутри корпоративного сектора. Более 40% совокупного акционерного капитала принадлежит финансовым учреждениям. Коммерческие банки, траст-банки и страховые компании - **«стабильные инвесторы»** нефинансовых компаний, владеющие акциями для закрепления партнёрских отношений. Четверть капитала находится в перекрёстной собственности нефинансовых компаний. Крупные пакеты нетипичны: обычно первые 10 акционеров держат 30-50% акций, остальные сильно распылены. Директорат не привык считаться с интересами акционеров.

Требования к достаточности капитала банков вводились в 1954 и 1991 гг. Национальный коэффициент достаточности капитала (10%) существовал с 1954 г., но он не был обязательным для исполнения. Ему не придавали значения. Фактический средний коэффициент в 60-70-х годах был около 6%, в 80-х около 4%.

Консолидированные балансы корпоративных групп вводились в 1978 и 2001 гг. (норматив законодательства по ценным бумагам и биржам не был закреплён в налоговом законодательстве). За границей это стандартная форма отчётности. Группы во главе с производственными холдингами с рыхлой структурой и неформальными партнёрскими отношениями не были заинтересованы в публикации такой отчётности.

По оценке Японской ассоциации аудиторов на декабрь 1998 г., средний показатель доли участия головных компаний в капитале дочерних - от 40 до 59%, в капитале ассоциированных - от 15 до 20%. В таких группах есть нефинансовые способы управления группой - переплетающийся директорат, постоянные сделки, контракты товарные и кредитные. Они позволяют включать периферийные компании в группу при невысокой доле участия.

Крупные корпорации могли **легко скрывать свои прибыли и убытки** в операциях со своей филиальной сетью. Финансовые активы учитывались по ценам приобретения и не переводились в рыночные цены. Прибыли и убытки по ним оставались за балансами и вне поля зрения акционеров.

Закрытость структуры капитала корпораций и банков (а все крупные банки – акционерные компании), их непрозрачная финансовая отчётность и размытая ответственность менеджеров – все эти, с западной точки зрения, дефекты корпоративного управления в Японии были привычными и воспринимались как **нормальные особенности национального хозяйственного уклада**.

В Западной Европе при интеграции национальных хозяйств в течение 30 с лишним лет шла унификация экономических институтов. Япония не имела такого опыта – она не прошла этого подготовительного этапа.

Источником кризиса был **«финансовый пузырь»** на фондовом рынке и рынке земельных участков (1986-1990) – инфляция финансовых активов.

Избыток предложения денег, питавший этот «пузырь», имел два объективных источника: продолжительный экспортный бум и высокую норму личных сбережений. Субъективным источником была политика денежных властей. Банк Японии связывали **международные обязательства** по Соглашению Плаза от 22 сентября 1985 г. (решение министров финансов G5 о координированной валютной интервенции центральных банков, чтобы предотвратить повышение курса американского доллара). По закону о Банке Японии, действовавшему до апреля 1998 г., его независимость была неполной: решения о ставке переучёта векселей принимал сам Банк, но решения о валютных интервенциях принимало министерство финансов, а Банк только исполнял его. Продажей долларов из золотовалютного резерва Банк привёл к тому, что к 1988 г. курс иены к доллару поднялся с 265 до 138, то есть практически удвоился.

Номинальная заработная плата стала самой высокой в мире. Японская промышленность начала терять конкурентоспособность, экспорт замедлился. Японские производители автомобилей и электроники начали переводить свои мощности в Северную Америку, Западную Европу и Восточную Азию. В Японии заговорили об «опустошении» национальной промышленности.

Опасаясь рецессии, Банк Японии снизил учётную ставку наполовину, а прирост денежной массы (M_2+CD) увеличил с 9 до 12% в год. Банк Японии опасался инфляции цен и неоднократно заявлял о необходимости поднять учётную ставку, но товарные цены были стабильны, и его доводы казались неубедительными. Политика «лёгких денег» продолжалась 2 года и 3 месяца,

поддерживая спекулятивную эйфорию, вот тогда-то и произошло формирование «пузыря».

Дефляция активов продолжается больше 10 лет. За это время курсы акций описали два цикла подъёма и снижения и вышли на третий, а цены на землю до сих пор не достигли своего дна. Это «пузырь» отбрасывает длинную тень до сих пор.

В кризисе были «виноваты» не столько лица, принимавшие ошибочные решения, сколько **институты**: 1. дефекты бухгалтерских балансов банков, из-за чего информация о масштабах бедствия оказалась недостоверной; 2. дефекты корпоративного управления банками, позволившие менеджерам манипулировать отчётностью; 3. устаревшее регулирование финансовых рынков. С ним была связана запоздалая реакция властей, в частности, Минфина, который исполнял функции банковского надзора.

Поэтому **дефляция активов обнаруживала себя постепенно**. Это привело к накоплению дебиторской задолженности банкам и к кризису всей банковской системы.

Но в 1991 г. Япония приняла **международную систему банковских стандартов**, разработанную Базельским банком международных расчётов. Банки, не выдерживающие стандартов (в первую очередь стандарта достаточности капитала), автоматически подвергаются жёстким дисциплинарным мерам: власти ставят их под административное наблюдение и публично объявляют неблагополучными, что вызывает смятение в банковском сообществе. Реакция самозащиты банков – продажа активов: ценных бумаг из своих портфелей и залогового имущества.

Министерство финансов долго не могло отказаться от привычного патернализма и поощряло сокрытие банками информации о состоянии их кредитных портфелей. В 1998 г. принята программа санации банковской системы. Она состояла в разделении неработающих активов от доброкачественных и пополнении капитала проблемных банков средствами Корпорации страхования депозитов. Часть «плохих долгов» банки списывали сами из своих резервов, продажи активов и текущей прибыли, но это не помогло. В 1998-2000 гг. обанкротились два из трёх банков долгосрочного кредита, несколько коммерческих банков, крупнейшая брокерская компания, крупнейшая компания ипотечного кредита, две большие фирмы, владеющие универмагами. На очереди крупные строительные подрядчики, траст-банки и страховые компании.

Консерватизм и замедленная реакция властей на последствия лопнувшего «мыльного пузыря» прямо ответственны за то, что финансовый кризис затянулся на 10 лет. Конца ему пока не видно, и он вызвал цепь самых серьёзных последствий.

Первое – **массовые банкротства компаний**, у которых обесценивается имущество, под которое можно получить кредиты, и накапливаются долги. Сокращение кредитования напрямую привело к промышленным спадам в 1992-1993 и в 1998 годах.

Второе – **«дефляционная спираль»**: снижение цен на фоне падающего производства. Механизм действия «дефляционной спирали»: домохозяйства и компании откладывают решения о сколько-нибудь крупных расходах «на потом», когда всё станет дешевле. В результате сбережения растут, а потребительские расходы и инвестиции падают. Любой держатель финансового ресурса с неизменной номинальной ценой (например, срочного

вклада в банке) получает реальный и притом безрисковый доход. Инвестирование в падающую экономику и крупные потребительские траты, напротив, сопряжены с повышенным риском.

Кризис не вызвал социальных потрясений. Безработица велика только по японским меркам (4.7%), существенного падения номинальных доходов не произошло. **Финансовые активы японцев** составляют 1200 трлн. иен (около 96 трлн. долл.). Если разделить активы населения на 46 млн. 150 тыс. зарегистрированных семей, получим 26 млн. 600 тыс. иен в среднем на 1 семью (212 тыс. долл.). Судя по общенациональному обследованию 6000 семей на июнь 1998 г., 70% семей располагают сбережениями менее 10 млн. иен (80 тыс. долл.). До 10% семей имеют от 30 млн. до 100 млн. (от 240 до 800 тыс. долл.).

Но падение цен на недвижимость нанесло ущерб и кошелькам потребителей. Цены на квартиры, купленные в начале 90-х, упали так, что их продажа не покрывает задолженность по закладным. Низкий уровень процентных ставок урезал денежные доходы пенсионеров (из-за падения доходности траст-банков, управляющих пенсионными фондами).

Третье – нарастание **государственного долга**. Правительство теряет налоговые сборы и накачивает деньги частных вкладчиков и финансовых учреждений в экономику. Цель – восстановить эффективный спрос по испытанному кейнсианскому рецепту через бюджетные инвестиции. Финансовые потоки из частного сектора уходят в неэффективный и поражённый коррупцией «смешанный» сектор общественных работ. Но для правительства возвращение к экономическому росту – самый **высокий приоритет**, от которого национальное правительство не может отказаться.

Давление кризиса, наконец, заставило правительство пойти на настоящую реформу финансового сектора. Проект реформ был подготовлен ещё в 1996 г. кабинетом Хасимото, на её реализацию решился только в 1999 г. кабинет Обути. Она получила название «**большого взрыва**» по аналогии с финансовой реформой, успешно прошедшей в Англии в 1986 г. Реформа представляет собой пакетный пересмотр законов о банках, сделках с ценными бумагами и биржах и о страховом деле. По масштабам единовременной либерализации финансовых операций эта реформа беспрецедентна.

1. Устранены барьеры доступа на финансовые рынки – разрушена так называемая «кирпичная стена», разделявшая банковское дело, страхование и операции с ценными бумагами. Банки, брокерские и страховые компании получили возможность заниматься всеми видами финансовых операций.
2. Отменено запрещение доступа нефинансовых компаний на финансовые рынки.
3. разрешена торговля ценными бумагами вне фондовых бирж и создание электронных торговых систем.
4. Отменено регулирование брокерских комиссионных.
5. Для финансовых учреждений введены жёсткие правила открытия информации о «неработающих активах», аналогичные стандартам, которые применяются Комиссией по ценным бумагам и биржам США.

Японская реформа финансового сектора идёт в общемировом русле переустройства финансовых рынков для работы в глобальной экономике. В развитых странах разрушаются барьеры, разделяющие банковское, страховое и брокерское дело. Конгресс США в конце 1999 г. отменил Закон Гласса-

Стигала, установивший это разделение. В США создан единый рынок для всех финансовых компаний и банков, но пока не разрешён доступ на него нефинансовым компаниям. В Великобритании разрешён доступ в банковское дело универсам, супермаркетам и операторам телекоммуникаций.

«Большой взрыв» положил начало крупномасштабной **реорганизации финансового сектора Японии**. Этот сектор стал конкурентным: различные игроки работают на одних и тех же финансовых рынках, большую активность проявляют иностранные финансовые институты. Но многое ещё впереди.

Чтобы выстоять в международной конкуренции, ведущие банки начали реорганизацию, используя форму финансового холдинга. Это стало возможным после отмены в конце 1997 г. статьи Антимонопольного закона, запрещавшего эту форму. К настоящему времени работают две финансовые холдинговые группы («мега-банки») и в апреле с. г. начинают операции ещё две. В них вошли 7 из 8 крупных коммерческих банков и несколько траст-банков. Это результат глобальной конкуренции и безусловный плюс для японской экономики в будущем, но полноценная организация их деятельности потребует длительных усилий.

Банки объединяются, невзирая на принадлежность к исторически различным финансовым группам, восходящим к довоенным концернам «дзайбацу». Основные заёмщики, конкуренты на товарных рынках, получают общий «головной банк». За этим следует волна слияний и **реорганизации в корпоративном секторе**. Корпорации набирают необходимые масштабы для глобальной конкуренции.

Японские корпорации с опозданием включаются в глобальный процесс перехода от косвенного к прямому финансированию. Во всех развитых странах есть рынки прямого финансирования даже для небольших компаний, и облигации выпускают даже компании с невысоким кредитным рейтингом.

В Японии картина иная: банковское финансирование ещё преобладает, совокупные активы банков на 30% больше годового ВВП (в США – примерно половина ВВП). В структуре пассивов корпоративного сектора на инструменты фондового рынка приходится около 30% - но в 1989 г. было всего 13%. Именно зависимость корпоративного сектора от банков генерирует вал безнадёжных долгов.

Рядовые японцы опасаются держать сбережения в рискованных инструментах фондового рынка (в акции, облигации и паи инвестиционных и пенсионных фондов вложено около 11% средств населения, против 47% в США). Почтово-сберегательная система ещё кажется самой надёжной, так как вклады в ней полностью гарантируются государством.

Но при ставках по депозитам в 0.13-0.20% годовых средства населения уходят из банков и почтово-сберегательной системы и остаются «в чулках». Для того, чтобы привлечь на фондовый рынок средства населения нужен пересмотр **налогообложения** доходов от операций с ценными бумагами. Мелким вкладчикам необходимо снижение ставок налога на дивиденды (сейчас они выше, чем ставки налога на процентный доход) налоговые льготы и право относить потери на будущие доходы. Срочно нужны улучшения в инфраструктуре фондового рынка.

В 1997 г. началась и сейчас продолжается интенсивная распродажа акций из портфелей коммерческих банков и **развязывание перекрёстного владения акциями**. Этот процесс будет длиться по крайней мере несколько лет. У банков колоссальные пакеты акций – они на 50% больше собственного

акционерного капитала банков. В прежние времена при наступлении кризиса групповые связи укреплялись – сильные члены помогали более слабым финансами и управленческим персоналом. Сейчас держать такие пакеты – огромный риск.

Движущей силой сброса акций является переход на международные стандарты **бухгалтерской отчётности**, согласно которым корпорации обязаны оценивать принадлежащие им акции по рыночной стоимости и, переходя на форму **финансового холдинга**, публиковать отчётность, консолидированную с дочерними компаниями. Это – шаг к большей прозрачности бизнеса. Новые стандарты введены 1 апреля с. г. С его введением обнаружатся новые долги, но без этой реформы японские корпорации рискуют потерять доверие инвесторов.

Это значит, что **групповые связи компаний и банков распадаются**. Переход на организационную форму финансового холдинга и консолидированную отчётность инициировали японские ТНК, которым более не выгодно содержать группы субподрядчиков (поставщиков, дилеров и пр.) внутри страны под «шапкой» производственного холдинга.

Распродажа акций стала одним из факторов падения курсов акций в 2000-2001 г. На очереди новые реформы, которые должны ускорить реорганизацию крупных компаний, вынужденных избавляться от нерентабельных и малопродуктивных подразделений. С этой целью в апреле-мае с. г. будет пересмотрен Коммерческий кодекс. Обсуждается вопрос о разрешении компаниям покупать и держать на балансе собственные акции (**treasury stocks**), что было запрещено ещё в 40-х годах. Американские компании успешно пользуются правом выкупа собственных акций для того, чтобы выводить их с рынка и поддерживать их курсовую стоимость. Сейчас в Японии право выкупать собственных акций вводится с этой же целью.

Ещё в 1998 г. началась волна слияний и поглощений с активным участием иностранных инвесторов, которые нередко выступают инициаторами сделок. Число слияний растёт темпами в 35-40% в год. Есть очень масштабные сделки: компания «Рено» купила 38,8% акций «Ниссана» за \$5.4 млрд. В Японии появилась категория владельцев по-настоящему крупных пакетов. Иностранные совладельцы **отказываются от традиционных приемов управления**, в том числе от «патерналистских» отношений с поставщиками и сбытовой сетью.

Но фондовый рынок, на котором самыми крупными покупателями стали иностранные инвесторы, потерял прежнюю непроницаемость. Он стал работать **синхронно с мировым рынком**. В 2000-2001 гг. произошла синхронизация движения фондовых индексов в Америке и Японии. В настоящее время более 100 финансовых учреждений в различных странах мира готовят переход к глобальной клиринговой системе, которая сможет централизовать информацию о сделках и расчётах по сделкам с ценными бумагами через государственные границы. Токийская фондовая биржа, как и некоторые другие ведущие биржи мира, готовится к реорганизации в акционерную компанию.

На японском фондовом рынке всегда было недостаточным предложение «рискового» капитала. Венчурные предприятия должны финансироваться на рынке, имеющем механизм распределения риска. Фондовый рынок недоразвит – из-за того, что правительство слишком долго защищало от конкуренции банковский сектор.

В структуре фондового рынка происходят не менее радикальные изменения. Весной 2000 г. Токийская биржа учредила электронную торговую систему Mothers (Market of High Growth and Emerging Stocks) для венчурных компаний. Уже работает и вторая электронная торговая система «Nasdaq Japan», открытая новой японской брокерской компанией «Softbank Corp.» совместно с Осакской биржей. Это означает, что в Японии начал формироваться полноценный сектор **венчурного предпринимательства**, которое до последнего времени существовало практически только внутри крупных корпораций (spin-off).

Крупные компании отказываются от так называемой «**системы пожизненного найма**». Этот тип трудового контракта больше не по карману многим работодателям. До по-американски гибкого рынка труда ещё очень далеко, однако шагом к нему является отмена запрета на временные трудовые контракты для ряда профессий. Сняты ограничения на открытие частных агентств по трудоустройству, и рынок этих услуг начал быстро расти.

Крупные корпорации переходят к пенсионной системе, позволяющей работникам при смене места работы беспрепятственно переводить свои накопления в другие фирмы (по примеру накопительных счетов 401(k), принятых в США). Вслед за этим вероятно появление пенсионных фондов американского типа в роли **новых институциональных инвесторов**.

Пересмотр закона о сделках с ценными бумагами дал брокерским компаниям возможность предоставлять клиентам услуги, на которых специализируются **инвестиционные банки**: гарантия первичного размещения ценных бумаг, посредничество в слияниях и поглощениях, организацию финансирования компаний, не зарегистрированных на фондовой бирже. Японские брокерские фирмы спешно превращаются в инвестиционные банки, так как на японском рынке уже с большим размахом ведут работу отделения Merrill Lynch, Goldman Sachs, Morgan Stanley и другие.

Во главу угла денежно-кредитной и бюджетной политики правительств и Банка Японии поставлено **преодоление кризиса**. Правительство по старинке широко финансирует из бюджета «общественные работы», хотя хорошо известно, что от бюджетных денег кормятся коррумпированные чиновники и политики. Но от этих денег зависят 560 тысяч строительных компаний и 6 млн. строительных рабочих. Попытка хотя бы частично перевести эти работы на частное финансирование (Private Financial Initiative) не удалась. В 2001 фин. году, начавшемся 1 апреля, стартует отложенная ещё четыре года назад **реформа бюджетной системы**. Предстоит перевод полугосударственных компаний и банков с финансирования из внебюджетного Фонда инвестиций и займов на выпуск облигаций, ликвидация многих компаний и банков смешанной собственности, ликвидация самого Фонда инвестиций и займов, а также постепенная приватизация почтово-сберегательной сети. Сопrotивление этим реформам очень велико.

Инвестиции в «общественные работы», поддерживающие (с малым успехом) спрос на внутреннем рынке, за кризисное десятилетие увеличили государственный долг до 130% ВВП (на апрель 2001 г.). Это третий в послевоенной истории Японии **бюджетный кризис**, и это самая тяжёлая в развитых странах фискальная ситуация. Абсолютная цифра накопленного долга 1645 трлн. (\$5.5 трлн.). По срочности погашения структура долга достаточно благополучна и не грозит Японии дефолтом, но обслуживание долга съедает огромные бюджетные ресурсы. Новые выпуски могут поднять

процентные ставки по длинным кредитам. Агентство «Moody's Investors Service» понизило рейтинг облигаций, выпущенных либо гарантированных японским правительством, с уровня Aa2 до уровня Aa1, самого низкого среди 7 ведущих стран, кроме Италии.

В долговой экономике Японии дефицит частных финансовых учреждений покрывается только внутренним государственным долгом. Есть два источника покрытия: бюджет (включая эмиссию облигаций) и средства Корпорации страхования депозитов. Облигации государственного долга покупают коммерческие банки и Бюро доверительных фондов, подчинённое министерству финансов и управляющее государственной пенсионной системой и вкладами граждан в почтовые страховые и сберегательные кассы. Через Бюро доверительных фондов проходит свыше 90% облигаций государственного долга. Банк Японии покупает их только на вторичном рынке. Банк мог бы кредитовать правительство напрямую, покупая государственные облигации у Министерства финансов. Это не запрещено законом, но такая практика в прошлом, когда существовала опасность инфляции, считалась крайне нежелательной. Но Банк опасается, что раз начав, ему, как и Минфину, будет трудно прекратить эту практику.

Государство выполняет функции кризисного менеджмента с большим трудом: привычные механизмы не работают. Ключевой проблемой экономики является потребительский спрос, но стимулировать его не удаётся. Подходящий налог не слишком высокий, снижать его ставки при такой фискальной ситуации невозможно. Рычаги денежной политики не работают при дефляционной спирали. К тому же дерегулирование неэффективных секторов продолжается, несмотря на сопротивление многочисленных групповых интересов. Политика социальной поддержки больших групп населения лишается финансовой и правовой базы. К тому же отмена лицензирования бизнесов и прочих приемов ограничения доступа на рынок сбивает цены, усиливая дефляцию.

Наступило время снижения национальных барьеров для движения товаров, капиталов, людей, время транснациональных контрактов и слияний между крупными корпорациями. Тесные связи между государством и корпоративным сектором распадаются, механизмы финансового и бюджетного контроля над экономикой работают крайне плохо. Однако обязательства национального государства перед своими гражданами остаются в силе. В этом реальное противоречие начала XXI века.

Потеря темпов роста болезненно воспринимается в японском обществе, так как это потеря критерия успеха. Япония - «больной человек» в Азии и больше не пример для своего региона. Рядом растущий Китай. Потеря темпов – **ущерб для национальных амбиций**. Но приёмы стимулирования роста не работают, а реформы идут трудно, так как они задевают сильные групповые интересы и встречают сопротивление чиновников, политиков, менеджеров компаний. Многие хотели бы сохранить статус-кво просто из боязни риска, да и поколение, видевшее колоссальный успех национальной экономической модели, ещё не ушло.

В Японии напряжённо и трудно ищут **новые правила игры**, соответствующие потребностям экономической сверхдержавы в условиях глобальной конкуренции. Сейчас очевидно, что в экономическом укладе появляются многочисленные элементы, следующие американским образцам.

Импортированные западные институты дважды, в начале и середине XX века, вступали в своеобразный симбиоз с местными условиями.

Глобализация вызывает **конвергенцию национальных экономически систем**, и вынуждает национальные правительства устанавливать **более высокую степень свободы** для экономической деятельности. Характер и степень экономической регламентации различны от страны к стране. Но когда речь заходит о стандартизации этих правил, это не приведение своей системы к чьей-то чужой, а унификация правил с тем, чтобы рынки работали возможно свободнее.

Верно ли, что глобализация приводит к «клонированию» американской хозяйственной системы и американских социальных ценностей и к потере культурного наследия. Большая часть международных стандартов, и правда, американские, но они не навязаны силой, а отобраны в конкуренции.

Трудно сказать, какое сочетание получится в начале XXI века. По-видимому, в эпоху глобальной экономики уже нельзя пользоваться такими понятиями, как усиление или ослабление государственного вмешательства в экономику. У этих понятий больше нет простого количественного измерения.

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ СТУЧИТСЯ В ДВЕРЬ

Быстрое пополнение японского экономического и политического лексикона новыми терминами давно уже сделалось привычным, хотя и не для всех приятным¹, фактом повседневной жизни общества. Одним из наиболее популярных таких терминов в последние годы, бесспорно, стала <<глобализация>>. Самым наглядным, т.е. внешним ее проявлением служит свободное перемещение через национальные границы капитала, товаров, информации и людей, резко ускорившееся с начала 80 - х годов. Естественно, ускорение это возникло не на пустом месте. За ним стоит специфический подход к экономическим, политическим, социальным и культурным страновым проблемам с планетарной точки зрения, подход, предполагающий, к примеру, возможности преодоления хозяйственных кризисов, охраны окружающей биосферы, разрешения межгосударственных конфликтов, обеспечения безопасности, утверждения прав человека не на сугубо локальном или национальном, а на глобальном уровне, опираясь на представление о мире как о едином и неделимом целом.

В этом, может быть, состоит принципиальное отличие глобализации от интернационализации. Если последняя зиждится на предпосылке о незыблемости государственного суверенитета и опирается на межгосударственные переговоры, имеющие в виду согласование, подгонку друг к другу национальных интересов, то в основе первой лежат транснациональные, или, как выражаются некоторые японские исследователи, <<супранациональные>>² действия, в сущности игнорирующие государственный суверенитет. Поэтому глобализация выглядит, скорее, категорией - конкурентом интернационализации, где - то, пожалуй, ее антитезой, чем ее логическим продолжением, развитием, хотя наглядные проявления глобализационного процесса, о которых упоминалось выше, имеют место и в ходе интернационализации, выделяющейся, кстати говоря, ярко выраженным усилением взаимозависимости различных государств.

Часть авторов даже полагает, что это самое усиление представляет собой и главный атрибут процесса глобализации. Так, по мнению Г. Дилигенского, <<в самом понятии "глобализация" ключевое слово "взаимозависимость". Именно взаимозависимость различных обществ, ее возрастание, а вовсе не нивелирование мира на всех "этажах" общественной действительности образует суть глобализации>>³. Как мне кажется, значение усиления взаимозависимости на этапе глобализации здесь несколько преувеличивается.

Так или иначе, нарочито бросающиеся в глаза элементы сходства сосуществуют с длинной вереницей глубинных отличий (помимо названного принципиального), особенностей, имманентно присущих интернационализации, с одной стороны, и глобализации, с другой. И это при том, что оба процесса порождены, в конечном счете, прогрессом демократии и свободной конкуренции. Думается, имеет смысл сопоставить формообразующие черты мира интернационализации и мира глобализации с тем, чтобы установить их относительные позиции.

В мире интернационализации доминируют отношения между государствами, ставящими во главу угла в общем - то одни и те же цели (например, обеспечение экономического роста, более или менее полной занятости, стабильности цен и т.д.), но, как правило, берущих на вооружение разные, зачастую противоречащие друг другу средства их достижения. Экономическая взаи-

мозависимость строится на основе все более интенсифицирующейся межстрановой торговли.

Когда же (преимущественно вследствие давления <<отечественных>> лобби) становится очевидным, что столкновения применяемых средств мешают выходу на поставленные цели, государства приступают к конструированию международных режимов⁴, т.е. торговых, валютных и прочих соглашений и организаций, регулирующих спорные вопросы, ввиду чего генерируется политическая взаимозависимость. Будучи центральными фигурами мира интернационализации, государства отправляют функции механизма обоюдной адаптации международных режимов и внутренних порядков.

Жизнедеятельность мира интернационализации с усилением взаимозависимости государств в качестве одного из профилирующих свойств адекватно описывается концепцией <<внедренного либерализма>> (<<embedded liberalism>>), наибольший вклад в разработку которой внес американский экономист Дж. Рагги⁵. Он подчеркивает значимость усилий государства, направленных на сбалансирование автономности внутренней политики и потребностей международной экономической либерализации, признает приемлемость разностороннего государственного вмешательства в хозяйственную практику и обосновывает необходимость базирования международных режимов на правилах, регламентирующих межгосударственные отношения.

С точки зрения авторов концепции, сверхзадачей мира интернационализации является претворение в жизнь <<поверхностной интеграции>> (<<shallow integration>>)⁶ в форме *снижения* барьеров на пути товаров, капиталов, информации и людей. Нельзя, наконец, не отметить, что пребывание в мире интернационализации наиболее комфортно для тех стран Запада, которые могут похвастаться высокоразвитой рыночной экономикой и высокоразвитой же демократией.

В свою очередь, типичный феномен мира глобализации - общемировые системы, опознавательным знаком которых является <<супратерриториальность>>. Они стремятся взаимодействовать с внутренними системами напрямую, минуя государственные структуры. Иначе говоря, общемировые системы запрограммированы на *сметение* местных регуляционных предписаний и образование единого для всех свода международных правил, охватывающих весьма обширную зону, - от вида политических и экономических институтов до промышленных стандартов, - что правомерно считать признаком <<углубленной интеграции>> (<<deeper integration>>)⁷. Отсюда, между прочим, следует, что мир глобализации как бы инкорпорирует усиление межстрановой взаимозависимости, наследуя его от мира интернационализации.

<<Обходной маневр>> общемировых систем, разумеется, не элиминирует на корню государство в его ипостаси актора на арене общественной жизни. Однако ему приходится мириться с переходом изрядной доли его регуляционных полномочий к частным акторам, т.е. к негосударственным организациям и фирмам, в значительной мере самостоятельно определяющим конкретные условия своих контактов.

Наличие непосредственной смычки общемировых и внутренних систем, выключаящей из цепи, пусть и частично, регулирующий клапан в лице государства и ориентированной на фактически безраздельное господство рыночных сил, красноречиво повествует об идейной ауре мира глобализации, а

именно о неолиберализме, принципы которого находят в ней совершенное воплощение.

Параметры неолиберальной модели удачно суммировал В.Коллонтай : <<...акцент делается на форсированной гомогенизации (на жесткой монетаристской основе) механизмов хозяйственного регулирования стран, входящих в мировое хозяйство ; основным, если не единственным регулятором развития провозглашается стихийный рыночный механизм ; национально - хозяйственный комплекс, суверенитет, отчасти даже государство рассматриваются как отмирающие категории, их быстрейшее преодоление преподносится как залог успеха ; главные усилия направляются на ослабление хозяйственной роли государства, на либерализацию и дерегулирование>>⁸.

Этот лаконичный перечень недвусмысленно указывает на достаточно внушительные, куда более серьезные, чем при интернационализации, риски, которые несет с собой глобализация, риски, которые далеко не всегда своевременно очевидны, слабо поддаются какому бы то ни было контролю и которым прежде всего подвержены уникальные компоненты национальных культур в самом широком смысле этого слова. Тем не менее, по моему твердому убеждению, потенциальные выгоды глобализации намного перевешивают связанные с ней риски. Это в особенности касается Японии, где рудименты закрытости, старания оберегать накопленные традиции любой ценой (вплоть до цены здравого смысла), слепая вера в вечную непогрешимость послевоенной схемы развития, а также укорененные интересы влиятельных отрядов правящей элиты и инерционность национальной психологии мешают окончательно разделаться с последствиями тяжелой рецессии, нешуточно угрожающими позициям страны в группе лидеров капиталистического мира.

Наконец, в отличие от интернационализации с ее относительно заметной избирательностью в части охвата объектов глобализация претендует на вбирание в область своего притяжения и высокоразвитые, и развивающиеся страны.

Хотя глобализация сейчас только начинает разворачиваться по - настоящему⁹, хотя многим ее аспектам еще предстоит заявить о себе в полный голос, проблема оценки этого процесса не только провоцирует бурные дискуссии в академических аудиториях, в предпринимательских, политических и чиновничьих кругах, но и, как показали события, сопровождавшие конференцию Всемирной торговой организации в Сиэтле в конце 1999 г., Всемирный экономический форум в Давосе, Конференцию Международного валютного фонда и Мирового банка в Вашингтоне в начале 2000 г. и... Лондонский Первомай в том же году, вызывает вспышки вульгарного насилия на улицах.

Стороннему и поверхностному наблюдателю внушительные толпы, заполнявшие магистрали этих городов во время перечисленных совещаний и празднований, могли бы показаться безликими ордами беснующихся вандалов - дегенератов. Кстати, некоторые общественные деятели настойчиво пытались заставить всех и каждого поверить в эту безликость, представить происходившее таким образом, будто единственно значимой его чертой был самый факт наличия протестующих против глобализации в целом, против свободной торговли как ее важного элемента и против международных организаций как ее проводников.

Примечательно, однако, что события, потрясшие американские и европейские города, не только выявили рубежи, вдоль которых разворачивается

конфронтация сторонников и противников глобализации, но и указали на сильнейшую разношерстность последних.

Среди них, например, профсоюзные активисты, чьи организации направляют и финансируют протестное движение, выставляя себя защитниками всех <<униженных и оскорбленных>>, но пекутся-то лишь о сохранении рабочих мест, немалому числу которых глобализация вообще и свободная торговля в особенности действительно угрожают. В колоннах протестующих маршируют и серьезные экологи, законно беспокоящиеся о воздействии глобализации и свободной торговли на каких -нибудь там черепах или ценные породы деревьев. К профсоюзному активу и поборникам охраны окружающей среды примыкают также анархисты и попросту деклассированные личности, настроенные, не мудрствуя лукаво, на уничтожение собственности в любой ее форме.

Это, конечно, не <<органические>> союзники с единой программой (помоги, Господь, черепахе, попавшей под ноги профсоюзникам - докерам, разгружающим корабль, или, тем более, анархистам!). Однако они образуют лагерь *боящихся будущего*, мира, лишнего стен, перегородок, доставшихся, между прочим, в наследство от системы <<холодной>> войны и заменяемых интеграцией и интернетовской паутиной.

В обрушении разделительных барьеров эта публика винит такие учреждения, как, например, Всемирная торговая организация (ВТО), хотя они являются не причинами, а следствиями процесса формирования <<бесстенного>> мира. Ведь чем теснее интегрируются отдельные страны, чем энергичнее торгуют друг с другом, тем острее нуждаются они в институте, который устанавливал бы базисные правила торговли (а этим, собственно, и занимается ВТО). Правила - субституты перегородок ; отсутствие перегородок делает необходимым большее число правил.

Когда кое - какие страны предпринимают попытки ввести доморощенные правила, ведущие к возникновению новых перегородок, ВТО выносит запрещающие эту самодеятельность приговоры, немедленно попадая под критический огонь *боящихся будущего* за превращение ВТО в Большого Брата, поучающего всех, как им жить. Сюрреалистичность ситуации заключается в том, что критики горячо желают трансформации ВТО именно в такое образование, которым она, по их мнению, уже стала и которому адресуются их суровые обвинения. Они настаивают на введении все большего и большего количества правил (лишь бы это были *их* правила!), навязывавших бы всем и каждому устраивающие *их* трудовые и экологические стандарты.

Вряд ли кому - либо придет в голову в принципе отвергать стандарты, опережающие по качеству ныне существующие, и когда -нибудь ВТО сможет стать институтом, внедряющим их в международную практику, но крайне сомнительно, чтобы она стала *главным* таким институтом, и уж совсем невероятно достижение этих стандартов посредством возведения новых торговых перегородок. Все без исключения страны и фирмы, усовершенствовавшие в самые последние годы свои трудовые, правовые и экологические стандарты, обязаны этим успехом большим, а не меньшим объемам внешней торговли, большей, а не меньшей интеграции, большему, а не меньшему использованию Интернета. Это наиболее эффективные средства повышения качества глобального управления¹⁰, если не считать организацию мирового порядка на демократических принципах¹¹.

Помимо *боящихся будущего*, среди протестовавших неизменно встречались и *требующие большей доли будущего*. Я имею в виду представителей

многонаселенных развивающихся стран (Индии, Мексики, Китая), которым отлично известно, что их нынешний быстрый рост был обусловлен активным участием в международной торговле и массовым привлечением иностранных инвестиций. Они далеки от мыслей о признании профсоюзов развитых стран представителями всех <<угнетенных и оскорбленных>>, о повороте процесса глобализации вспять и о подрыве такого ее института, как ВТО. Более того, им явно не по нутру позиция *боящихся будущего*, старающихся отгородиться от них санитарными кордонами совершенно неприемлемых трудовых и экологических стандартов, <<спасти>> народы развивающихся стран от развития.

При всем при том им отчетливо видны основания для протеста. Полагая, что правила участия в глобализационном процессе односторонне формулируются и спускаются вниз по ступеням иерархической лестницы высокоразвитыми странами и что правила эти несправедливы, они выступают отнюдь не против выпекаемого в этом процессе пирога, а за его более весомый ломоть. *Требующие большей доли будущего* успели прийти к осознанию неизбежности создания своими силами финансовой, правовой и регуляционной структуры, специально предназначенной для восприятия глобализации вообще и, к примеру, <<электронной орды>> инвесторов со всего света, в частности.

Однако их очень беспокоит беспрестанное ускорение темпов разнообразных инноваций, свидетельствующих о наступлении новой эпохи, в тот момент, когда указанная структура еще не готова. Иначе говоря, решились впрыгнуть в вагон отходящего поезда, но скорость его такова, что сделать это почти невозможно. В протестах *требующих большей доли будущего* явственно звучит просьба замедлить движение состава, просьба, может быть, и оправданная, да нереалистичная, особенно, если она исходит из уст тех, кто до сих пор не занялся вплотную всеохватывающей реструктуризацией.

Протестующим противостоят *созидатели будущего*, т.е. энтузиасты - закоперщики глобализационного процесса, разгоняющие его с помощью форсированной разработки и мгновенного внедрения высоких технологий, с помощью интернетовской революции. Именно в недрах этой элиты рождаются идеи, покоряющие воображение одних и повергающие в ужас других, идеи <<созидательного разрушения>> привычного мирового порядка, идеи существенной девальвации государственного суверенитета пока главным образом путем изъятия механизмов и операций корпоративного бизнеса из системы национального регулирования, находящегося в компетенции избранных народным голосованием правительств, и перевода их в некое туманное международное измерение, где прямой политический надзор со стороны каких - либо избранных органов отсутствует.

Излюбленный и, надо сказать, веский довод в поддержку своих взглядов, довод, без устали предъявляемый *созидателями будущего* многочисленным оппонентам, сводится к ссылкам на победы, одержанные на нескольких ключевых участках глобализационного процесса, причем акцентируются уже не только <<самые наглядные проявления>>, а и индикаторы начинающегося <<увядания>> государств как четко различимых, независимых экономических и политических образований. Компании и финансовые рынки во все возрастающей степени не принимают их в расчет при вынесении производственных, маркетинговых и инвестиционных решений.

Созидатели будущего соглашались с тем, что в некоторых отношениях глобализация представляет собой всего - навсего новое модное определение давно знакомых явлений. В конце концов, рынок - это просто объединение по-

купателей и продавцов, производителей и потребителей, вкладчиков и инвесторов. Экономическая история состоит, собственно говоря, в экспансии рынка от фермы к городу, от района к государству, от страны к стране. Как указывалось выше, Великая депрессия и две мировые войны XX в. задержали рыночную экспансию. Но после второй из этих войн она возобновилась, подстегиваемая политическим прессингом и научно - техническим прогрессом.

<<Холодная война>> вынудила Соединенные Штаты неумолимо стимулировать торговую либерализацию и экономический рост, в которых они видели эффективные средства борьбы с агрессивным коммунизмом. В итоге серии внешнеторговых переговоров средний размер таможенных тарифов в промышленно развитых странах сократился до примерно 5% по сравнению с 40% в 1946г. Европейцы, наученные опытом двух разрушительных вооруженных конфликтов, сочли экономическое единство наилучшей альтернативой губительному национализму.

Новые технологии удачно дополняли политические устремления. Еще до появления Интернета необычайно быстро снижавшиеся благодаря появлению реактивной авиации и спутников, а также совершенствованию подводных телефонных кабелей расходы на транспорт и связь создавали все более и более благоприятные условия для торговли в глобальных масштабах. К началу 90 - х гг. ценностной объем мирового экспорта (скорректированный с учетом инфляции) увеличился почти в десять раз по сравнению с началом 50 - х гг.

На этом фоне дали о себе знать весьма и весьма показательные явления. Вроде бы совсем недавно, в 1990 г., государства, действуя либо в индивидуальном порядке, либо через международные институты типа Мирового банка, обеспечили, согласно оценкам вашингтонского Института международных финансов, половину общей величины займов и кредитов 29 крупным развивающимся странам, включая Бразилию, Китай, Индию, Республику Корея и Мексику.

К концу заключительного десятилетия XX в. ситуация изменилась до неузнаваемости : потоки частного капитала стали в буквальном смысле этого слова забивать потоки капитала государственного, и это несмотря на азиатский финансовый кризис 1997 - 1998 гг. По данным упомянутого Института на 1999 г., частные средства, направленные тем же 29 развивающимся странам (имеются в виду банковские займы, финансирование облигаций, вложения в локальные рынки акций и прямые инвестиции мультинациональных компаний), составили 136 млрд. долл. против 22 млрд. долл., поступивших из государственных источников¹².

Вместе с тем мультинациональные компании развернули на международной арене лихорадочную приобретательскую деятельность. Только за первые шесть месяцев 1999 г. объем новых слияний и поглощений, осуществленных, так сказать, через государственные границы, превысил в развитых и развивающихся странах 500 млрд . долл., т. е. почти достиг соответствующего показателя за весь 1998 г. (544 млрд. долл.) и чуть ли не в шесть раз обогнал показатель 1991 г. (85 млрд. долл.)¹³.

За бумом слияний и поглощений скрывается растущая убежденность мультинациональных фирм в уже состоявшемся превращении многих рынков в глобальные. Стараясь максимизировать свое присутствие в, по возможности, большем числе стран, они гонятся за эффектом масштаба, - за снижением издержек посредством увеличения размеров производства и сбыта, - за лидерство в эксплуатации технологических сдвигов, которые в наши дни могут про-

изойти в любом пункте планеты. В дополнение к этому мультинациональные компании все чаще прибегают к глобальной организации производства, дележ дизайнирование продукции, изготовление комплектующих и окончательную сборку между десятками стран¹⁴.

Роль толкачей глобализационного процесса не является исключительной прерогативой гигантов частного предпринимательства. На нее энергично претендуют и ее талантливо исполняют многие правительства, не останавливающиеся перед жертвоприношениями частей (пока что микроскопически малых, но лиха беда начало!) государственного суверенитета. Прекрасно иллюстрирует эту обстановку непрекращающееся ни на мгновение преследование такой цели, как создание подлинно единого рынка в Европе. Происходящее при этом делегирование тех или иных национальных прав наднациональным органам при всей своей медлительности, робости, а временами и непоследовательности все - таки отражает широко распространенное признание того факта, что в конкуренции на глобальных рынках европейским компаниям придется встретиться с едва ли преодолимыми трудностями, если их локальные операции будут <<подрезаться>> фрагментированными национальными рынками.

В среде стран менее зажиточных, чем европейские <<гранды>>, красноречивым доказательством правительственной поддержки глобализации могут служить ходатайства о вхождении в ВТО, безусловно означающем частичную уступку национального суверенитета. С 1995 г. в организацию вступили семь государств (Болгария, Эквадор, Эстония, Киргизстан, Латвия, Монголия и Панама). 32 страны (среди них Китай) добиваются приема.

Точка зрения, согласно которой глобальная торговля и глобальные инвестиции способны ощутимо содействовать экономическому развитию путем поставок новых видов продукции, новых технологий и управленческих приемов, вполне обоснованна. Конечно, успехи или провалы страны зависят в первую очередь от ее собственной рабочей силы, собственных инвестиций и качества государственной политики. Но приобщение к глобальной экономике по меньшей мере небесполезно.

Восточно - азиатский пример в данном случае как нельзя более уместен. Быстрое расширение масштабов внешней торговли и достаточно стабильный экономический рост, во многом обусловленные этим приобщением, привели, невзирая на финансовый кризис, к заметному сокращению в регионе (включая Китай) контингента лиц, находящихся на самом дне нищеты. По оценке Мирового банка, в промежутке между 1987 и 1998 г. доля тамошних получателей доходов, равных максимум одному доллару в день, уменьшилась с 27 до 15% от общей численности населения.

В противоположность этому латиноамериканские страны и африканские страны, непосредственно примыкающие к южной границе Сахары, т.е. страны, запоздавшие с приобщением к глобальной экономике или обставившие его различными самоограничениями, не могут похвастаться такими результатами. К примеру, в Африке доля живущих на доллар или того меньше в день сохранилась в 1998 г. на уровне 1987 г. (46%)¹⁵.

Полемизирующие с *созидателями будущего* базируют свою аргументацию главным образом не на реальных событиях, а на пессимистических прогнозах. Спешу отметить, что прогнозы эти содержат немало резонных заключений, обращение к которым могло бы способствовать выработке взвешенной глобализационной стратегии, предупредить возможные эксцессы, предостереечь от ненужной эйфории. Однако им присущ общий обесценивающий порок -

уродливо гипертрофированная требовательность к самому феномену глобализации. Она, видите ли, должна быть свободной от малейших изъянов, нести с собой одни лишь блага и распределять их равномерно во имя триумфа социальной справедливости - вздорной, несбыточной мечты, брошенной человечеству в незапамятные времена простодушными идеалистами левого толка и до сих пор особенно рьяно, злонамеренно и, увы, небезуспешно пропагандируемой коммунистическим отребьем, а также беспредельно наивными попутчиками.

Но глобализация по определению не может быть бездефектной. Подобно любым другим экономическим, политическим и социальным процессам, она сопряжена с разнообразными рисками, например, с риском хозяйственной нестабильности, поскольку общемировая экономика может быть склонной к куда более резким перепадам цикла <<процветание - кризис>>, чем национальные экономики поодиночке.

Она выделяет победителей, сумевших оснаститься необходимыми средствами извлечения выгод в новых условиях, и побежденных, не успевших или не пожелавших приспособляться и отброшенных на свалку истории.

Она с большим трудом поддается регулирующему контролю, постоянно норовит вырваться за приличествующие границы и создать угрозу <<зайти слишком далеко>> (последствиями этого <<захода>> считаются проблемы с интеграцией различных культур, проблемы производительности, проблемы производства, инциденты, порожденные финансовыми неурядицами и т.п.)¹⁶.

Она не панацея от социальных хворей, не обладает счастливым целепильным даром, приписываемым ей расхожей теорией, которая гласит, что в процветающих благодаря свободной торговле странах невидимая рука рынка, не скованная безнадежно устаревшими регламентациями, так или иначе побуждает правительства к охране окружающей биосферы, запрету детского труда, принятию законов о правах работников.

У глобализации есть и другие прегрешения, но они, по - моему, не помешали ей миновать в своем развитии тот критический рубеж, за которым нет места обратному ходу, и в дополнение к этой необратимости (и неотвратимости!) стать в данных обстоятельствах не каким - то там наименьшим злом, а непобедимо заманчивой, оптимальной альтернативой протекционизму с его, судя по опыту тридцатых годов, непредсказуемыми и по большей части зловеющими перспективами.

Азиатский финансовый кризис дал тому недвусмысленные доказательства. По роду своего воздействия кризис этот напоминал нейтронную бомбу. Он больно ударил по миллионам людей, прежде всего в Восточной Азии, но оставил в целостности несущие конструкции мировой экономики. Худшее позади : наиболее пострадавшие страны быстро восстанавливаются, эпидемии финансовых крахов не дали распространиться, экономический рост возобновился.

Но важнейшим моментом оказалось все же *не происшедшее событие* - коллапс глобализационного процесса, так называемого нового капитализма не состоялся. Напротив, послекризисный мир, похоже, предстает перед нами даже более рыночно ориентированным, чем мир докризисный, демонстрируя популяризацию правил и методов, которые помогают рынкам функционировать как - то подчеркнуто, как - то вызывающе гладко и бесперебойно.

А ведь мрачных, кое - где и злорадных предсказаний о том, что глобализация да и вся рыночная экономика никогда не будут такими, какими они были до азиатского кризиса, имелось во множестве. Приметами неминуемой катастрофы

рофы назывались малайзийские меры по контролю над движением капиталов, гонконгская интервенция на рынке акций, бразильские финансовые бедствия и, что уж совсем удивительно, провал политики свободного рынка в России.

Предсказания эти с самого начала вызывали настороженное к себе отношение. Политика свободного рынка не проваливалась в России - ее там никогда не пытались по - настоящему применять. Бразилия не рухнула, а Гонконг с Малайзией слишком малы для создания общемирового тренда. Однако как бы то ни было, поражает незначительность ущерба, нанесенного кризисом глобализационному процессу. Страны, оправляющиеся от кризиса лучше других (Таиланд и Республика Корея) все более вовлекаются в этот процесс. И ни одна из затронутых кризисом стран, кроме Малайзии, не предприняла попыток изолироваться от глобализирующейся экономики. Что же касается широкой волны ожидавшегося со страхом протекционизма, то она не материализовалась.

Не было замечено и каких - либо грандиозных переоценок глобализации. Критики нового капитализма ухватились за азиатский финансовый кризис, чтобы объявить о фатальной обреченности глобализации, причем инвективы в ее адрес часто завершались следующей декларацией : <<Должно обнаружиться нечто лучшее!>> Но никто с <<чем - то лучшим>> так и не выступил. Более того, занимаясь поисками путей в будущее, большинство экономистов вольно или невольно избрало глобализационные принципы в качестве отправной точки для формулирования новых идей.

Каким только яростным атакам ни подвергался пресловутый Вашингтонский консенсус - традиционная <<свободнорыночная>> ортодоксия с ее однообразными предписаниями фискальной дисциплины, дерегулирования, приватизации и торгово - финансовой либерализации! Частично под влиянием азиатского кризиса начал формироваться новый консенсус, но в его рамках происходит лишь дополнение старого списка новыми предписаниями - более строгим финансовым контролем, гибкостью рынка рабочей силы, большей прозрачностью предпринимательства и государственного управления.

Некоторым ученым открытость стран торговле и инвестициям кажется недостаточной гарантией экономического развития. Но никто и никогда не утверждал, что такая открытость *сама по себе* может служить подобной гарантией. Другое дело, что открытость внешнему миру успела сделаться *непременным компонентом* успехов азиатских стран, особенно тех, которые пошли на нее теперь, когда технологическое ноу - хау, обычно получаемое извне, обрело важнейшее значение для прибыльного бизнеса.

Итак, на цивилизованном уровне дебаты ведутся не о пересмотре основ политики свободного рынка, а о возможных ее дополнениях. Точно так же продолжающиеся попытки создать <<новую финансовую архитектуру>> не рассчитаны на перестройку существующей системы с нулевого цикла. Цель этих попыток заключается во внесении дополняющих совершенствований в финансовые правила и практику, необходимых для смазки шестеренок рыночного механизма, а не для замены его каким - то новым (и пока не имеющимся в наличии) изобретением.

Следуя примерно по тем же основным направлениям, что и в остальном мире, дискуссии японских ученых, политиков, бизнесменов и журналистов вокруг глобализации протекают в не совсем обычных условиях, определяемых так до конца и непреодоленной рецессией, и отличаются особо сильной сосре-

доточенностью на проблемах, связанных с фактическим выходом из строя полувековой модели развития.

Но прежде чем касаться этих проблем, хотелось бы описать наиболее общие черты дискуссий, их генеральный курс, главные группы участников.

Как показывают итоги проведенного мною обзора японских источников¹⁷, в самое последнее время <<местные>> дискуссии о глобализации как - то незаметно перетекли в новую, более конструктивную фазу. Сейчас они уже не фокусируются на бесплодном вопросе о добродетельности или зловредности глобализации (хотя вопрос этот окончательно не снят с повестки дня) - подавляющее большинство спорщиков принимает ее как долговременное явление, сознает бесполезность надежд на ее торможение или обнаружение подходящей альтернативы.

Лейтмотивом становятся рассуждения о том, в какие формы надлежало бы вылиться глобализации, каковыми будут ее экономические правила, политические нормы и ограничители. Наблюдается и постепенное смещение центра тяжести дискуссий от чисто экономической к преимущественно политической тематике.

Спора нет, и среди проповедников, и среди оппонентов глобализации попадаются еще своеобразные <<ультра>>. <<Ультра>> - проповедники уверяют, что глобализация автоматически приведет к всеобщему процветанию. Таким образом, по существу они повторяют требования к глобализации, выставляемые теми, кто полемизирует с *созидателями будущего*. <<Ультра>> - оппоненты, костяк которых образуют экономические и политические националисты, с порога отбрасывают ее идею и предрекают апокалипсические бедствия в случае ее торжества.

Однако для соперничающих сторон в целом становится характерной известная тяга к конвергенции взглядов.

Проповедники глобализации, которых допустимо отнести к нео - правым и в среде которых чаще всего встречаются представители корпораций, чиновничества и академических кругов, заинтересованные в как можно более эффективной и более безопасной для бизнеса глобализированной экономике, начинают признавать, что, хотя их любимое детище принесло много хорошего и принесет его еще больше, у него есть и жертвы, нуждающиеся в помощи.

Оппоненты глобализации, которых допустимо отнести к нео - левым и в среде которых чаще всего встречаются представители все более многочисленных и могущественных <<негосударственных организаций>>, а также профсоюзов и различных объединений - претендентов на роль защитников <<гражданского общества>>, заинтересованные в как можно более строгих трудовых и экологических стандартах и в непроницаемых гарантиях для прав человека, начинают признавать, что, хотя глобализация вызывает к жизни многочисленные негативные явления, хотя, если ее и стоит допускать, то только при введении жесточайших рестрикций, от нее все же есть польза (ее трудно отрицать перед лицом статистических данных о развитии мировой экономики и повышении уровня жизни).

К чести проповедников глобализации надо заметить, что они не закрывают глаза ни на устрашающую грандиозность поворота, который должна совершить Япония для плодотворного подключения к строительству глобализационной эпохи, ни на ошеломляюще стойкие трудности, мешающие подступиться к этому повороту.

Почему же масштабы предстоящего поворота внушают почтительный страх? Да потому, что он символизирует собой преодоление необыкновенно живучей отстраненности Японии от мирового сообщества. Тем, кому туманнейший намек на какую - то отстраненность второй экономической державы покажется, по меньшей мере, кощунственным, проповедники глобализации отвечают нижеследующим образом.

На протяжении всего послевоенного периода Япония последовательно проводила политику, непоколебимый приоритет в которой принадлежал экономике. В результате она превратилась в страну, уступающую в экономическом отношении только Соединенным Штатам. Однако в отношении политическом ее влияние на мировое сообщество так и не достигло сколько - нибудь заметных высот.

Япония прочно закрепилась на позициях стороннего наблюдателя. По возможности она старательно избегала вовлечения в международные проблемы, либо предоставляя решать их другим странам, либо ограничивая участие в их решении посылками денежных средств. А мировое сообщество, опасавшееся ремилитаризации Японии, ее возврата к статусу военной державы, предпочло ожидать от нее только экономических вкладов в свое развитие. Внимательно отслеживая экономические тенденции страны, сообщество это практически не проявляло никакого интереса к японским политическим взглядам и соображениям.

Однако мировой порядок формируется на основе переплетения экономических, политических, дипломатических и военных факторов, и в XXI в. этот порядок будет отличаться от нынешнего образца. Европа ускорит интеграцию, упрочатся ее отношения с Соединенными Штатами, слияния компаний, действующих по обоим берегам Атлантического океана, их деловое сотрудничество, двусторонние потоки прямых и портфельных инвестиций непременно придадут мощные импульсы глобализационному процессу.

В этой обстановке позиция стороннего наблюдателя не выдерживает критики, является губительной. Чтобы сохранить свое экономическое влияние и привести в соответствие с ним влияние политическое, Японии необходимо срочно, невзирая ни на какие препятствия, расстаться с этой позицией и строить свою политику во всех сферах, исходя из потребностей глобализации. При этом следует избегать впадения в упрощенчество, видеть в глобализации только проявление всемогущества рынка или навязывание американских стандартов. Японии она прежде всего предоставляет шанс избавиться от политической отстраненности, обогатить национальную предпринимательскую среду передовыми глобалистскими нормами, приступить к вытеснению многих устоявшихся психологических стереотипов.

Вот это - то вытеснение и представит наибольшие трудности. В различных японских публикациях данной теме уделяется повышенное внимание. Суммируя мнения различных специалистов, нельзя не прийти к выводу, что их очень беспокоит невозможность сформулирования четких и определенных ответов на вопросы, которые ставит наличие указанных стереотипов.

Во - первых, смогут ли японцы схватить на лету значение наступающих перемен и незамедлительно отреагировать на них инновационными, провидческими действиями?

Как показывает опыт 80 - х гг., Соединенные Штаты нашли в себе силы вступить в очередную фазу роста на базе интенсивных разработок и внедрений информационных технологий, модернизации финансовых механизмов, а Япо-

ния, опьяненная атмосферой экономики <<мыльного пузыря>>, отстала на обоих направлениях, сохранила у себя систему высоких издержек и жестких регламентаций.

От общества, где поддержание status quo остается в числе доминирующих моральных ценностей, чья бюрократия наилучшим образом проявляет себя, защищая интересы избранных, и чьи корпорации довольствуются ограниченной конкуренцией, нелегко ожидать превращения в источник такого понимания будущего и таких адекватных этому пониманию шагов, которых остальной мир найдет приемлемыми.

Во - вторых, смогут ли японцы развить в себе черты граждан мира, способные завоевать симпатии международного сообщества?

Воспитываясь в условиях почти стопроцентной национальной гомогенности, японцы тем не менее демонстрируют способности к постижению культуры и ценностей других народов, но им чрезвычайно сложно устанавливать эмоциональные контакты с носителями иного, чем их собственное, культурного наследия. Не случайно досадно мало и число японских политиков, ученых, лидеров делового мира, известных своими интеллектуальными вкладами на мировой арене, и число менеджеров - японцев в зарубежных филиалах японских компаний, пользующихся уважением местного наемного персонала и ощущающих его лояльность.

Помехи благотворному общению возникают также ввиду недостаточно глубоких лингвистических познаний японцев и их слабой подготовки в части всестороннего предварительного обдумывания спорных моментов и методики их обсуждения, что затрудняет доведение до собеседников - неапонцев сути занимаемых японцами позиций.

В - третьих, смогут ли японцы пробудить в себе энтузиазм для творческих поисков, без которых в эпоху глобализации нечего рассчитывать на какие - либо успехи в любых областях, будь то экономика или культура, фундаментальная наука или конструкторские разработки?

Отставание Японии от Соединенных Штатов по телекоммуникационным технологиям и программному обеспечению компьютеров лишний раз доказывает, что японская послевоенная система образования с ее прославленной эгалитарностью не могла выполнить и не выполнила своих обязанностей, связанных с воспитанием творческих начал у учащихся.

Ныне, в звездный час венчурного бизнеса, безальтернативно нацеленного на инновации, ее устарелость предстает в особо неприглядном виде. Отдаленными последствиями контрпродуктивного воздействия принципов всемерного нивелирования потребителей образовательных услуг (вспомним старинное японское изречение о молотке, бьющем в первую очередь по выступающему гвоздю!) являются как нераспространенность обычаев возвеличивания индивидуального успеха, так и, напротив, распространенность обычаев отказа от помощи неудачникам в их попытках снова встать на ноги.

В - четвертых, смогут ли японцы в условиях сногшибательных сдвигов предохранить от эрозии те из своих моральных ценностей, которые стягивают воедино общество и его институты, или найти этим ценностям достойную и выполняющую те же функции альтернативу?

Пока что налицо главным образом усиливающиеся признаки означенной эрозии, происходящей на всех без исключения социальных уровнях - семейном, фирменном и общегосударственном.

На первом уровне отмечаются усеменение властных полномочий мужчин - глав семей, небывалое укрепление статуса женщин, смягчение командного отношения родителей к детям, падение интереса потомков к уходу за престарелыми предками (согласно итогам обследования, проведенного НИИ при рекламном агентстве <<Дэнцу>> в конце 90 - х годов, лишь 15% японских респондентов высказались за необходимость такого ухода, тогда как в других азиатских странах соответствующие показатели превышали 70%)¹⁸.

На втором уровне, по мере отмирания систем пожизненного найма и оплаты по старшинству, деградирует патриархальность внутрифирменного быта, угасают чувства фанатичной преданности персонала компаниям - нанимателям, возрастает мобильность работников как свободных агентов рынка труда. К причинам этих сдвигов надо непременно присовокупить серии корпоративных скандалов, с беспощадностью выявивших конспираторскую сущность функционирования большинства японских компаний, привычную для них тенденцию к <<невынесению сора из избы>>.

На третьем уровне распространяется скепсис в отношении перспектив страны, блекнет национальная амбициозность ее граждан (в результате того же обследования выяснилось, что только 29% респондентов - жителей Токио солидаризировались с заявлением, гласившим : <<Через десять лет моя страна будет лучше, чем теперь>> ; в пяти других крупнейших городах Азии соответствующий показатель превысил 70% ; не более 8% респондентов - токийцев солидаризировались с заявлением, гласившим : <<Моя страна способна стать мировым лидером>> ; в Пекине и Сингапуре соответствующий показатель превысил 20%)¹⁹.

Памятуя об атомизирующем воздействии на людей все большей зависимости от информатизации, возможность самопроизвольного <<разжижения>> моральных ценностей, этических основ общества, утраты чувства принадлежности к единой нации правомерно оценивать как не столь уж фантастическую.

Боязнь этой утраты, по - моему, частично ответственна за декларации с дурно пахнущим националистическим духом, нет - нет да и срывающиеся с уст видных политических деятелей Японии. Из последних по времени примеров достаточно упомянуть нападки токийского губернатора С. Исихара на резидентов - иностранцев с использованием оскорбительного ксенофобского термина <<сангокудзин>>²⁰ и серию <<оговорок>> премьер - министра Ё. Мори, назвавшего Японию <<божественной страной с императором в центре>> и употребившего термин <<кокутай>>, которым до войны описывали систему концентрации вокруг императора²¹.

Поводом для беспокойства исправно служат и страстно муссируемые в широких кругах общества концепции о тождественности глобализации и американизации, черные пророчества о том, что в мире высоких технологий и стирающихся границ национальные различия сгинут под гнетом экономического и культурного господства США, подкрепляемого безудержной инвазией английского языка.

Английский действительно стал lingua franca мирового сообщества, голливудские кинокартины и американская популярная музыка действительно пользуются огромным влиянием в мире, американские экономические теории действительно имеют многочисленных сторонников на различных континентах. Поэтому было бы нелепым отрицать американскую окрашенность глобализации, в процессе которой американские ценности облакаются их носителями в

тогу <<универсальных>> и распространение этих ценностей ассоциируется с прогрессом.

Однако от окрашенности еще очень далеко до тождественности.

Во - первых, <<универсальность>> американских ценностей, проецируемых на мир, обладающий своими, давно сложившимися ценностями, не подтверждается абсолютно во всех случаях. Наверное, потому, что само американское общество слишком уникально и своеобразно, построено, в психологическом смысле, на ничьей земле, вне рамок каких бы то ни было традиций и, по мнению некоторых, не может претендовать на звание идеального образца для подражания.

Известный японский политолог Т. Иногути провел мини - опрос членов правящей элиты страны и, в частности, установил, что, признавая ведущую роль США в мире, они не в восторге от так называемого <<американского фундаментализма>> : <<Под "американским фундаментализмом" наблюдатели, судя по всему, имеют в виду склонность Соединенных Штатов вести свои глобальные экономические дела с таких самодовольных позиций, которые непременно должны вызывать сопротивление, негативные реакции. На японский взгляд, глобализацию не следует сводить к освящению принципов рыночной экономики англо - саксонского стиля и навязыванию их другим экономикам. Напротив, ее надо наделить способностью включать в себя разнообразные наборы указанных принципов. "Рыночная экономика англо - саксонского стиля" выглядит в глазах японцев образованием, основанным на более полной либерализации, чем большинство других экономик. Они утверждают, что функционирование мировой экономики обязательно столкнется с трудностями, если Соединенные Штаты будут самодовольно настаивать на приемлемости только тех рыночных принципов, за которые они выступают, и стараться принудить другие страны к восприятию этих принципов>>²².

Во - вторых, американизация, с кое - какими сторонами которой Японии довелось близко познакомиться в послевоенный период и которая не подавила ни японский язык, ни, тем более, японскую культуру, имеет свои лимиты. Об этом говорят многие факты. Приведу некоторые из них.

Так, по мере того, как все больше людей в различных странах присоединяются к Интернету, число используемых в его рамках языков непрерывно увеличивается. Иначе говоря, мировая паутина не суживает, а расширяет лингвистический выбор. На сайте компании <<CNN>> - одном из крупнейших распространителей новой глобализированной культуры - пользователям предлагается целая россыпь языков, включая японский, португальский и датский. Половина посещений интернетовского сайта французской газеты <<Либерасьон>>, которая не сбывается за пределами страны, приходится как раз на границу, что демонстрирует способность Интернета предоставлять зарубежным пользователям постоянный шанс быть в курсе событий политической, экономической и культурной жизни Франции, подаваемых, разумеется, на французском.

Ожидаемые в ближайшем будущем технологические прорывы в области компьютерного перевода позволят пользователям Интернета отсылать, скажем, испаноязычные сообщения, которые будут доходить до адресата на китайском или любом другом понятном ему языке. Прорывы эти также значительно облегчат, например, тому же ЕС сохранение языков государств - членов союза в качестве официальных²³.

Потребность в максимально широком диапазоне выбора ограничивает американизацию не только в языковой области. Провалом закончились, к при-

меру, попытки ведущей американской пивоваренной компании заполнить британский рынок одним - единственным и, по мнению знатоков, безвкусным, сортом своего продукта. Потребители восстали, и традиционный <<настоящий эль>> пережил период чудесного возрождения. Даже такая символизирующая американизацию компания, как <<Кока - Кола>>, была вынуждена запланировать децентрализацию своей зарубежной маркетинговой структуры с тем, чтобы лучше приспособиться к локальным вкусам и повысить в общем объеме сбыта удельный вес локальных напитков.

Нельзя, наконец, упускать из вида и то обстоятельство, что сама Америка, а, следовательно, и содержание процесса американизации претерпевают существенные перемены. В ходе всех дискуссий о распространении американской культуры сплошь и рядом остается в тени феномен <<латинизации>> Соединенных Штатов.

Нарастающая диверсифицированность американского общества означает, что сегодняшняя американизация отличается от своего аналога периода, последовавшего за окончанием второй мировой войны. Массовая иммиграция в США превратила глобализацию в магистраль с двусторонним движением, и, абсорбируя многие преимущества американских бихевиористских методов, Япония может оставаться безусловно японской.

Как это можно заключить по некоторым из сделанных выше замечаний, глобализация ставит неразрешимые проблемы перед традиционным японским управлением предприятиями. Это тоже вызывает в стране глубокое беспокойство, хотя многие наблюдатели успели смириться с неизбежностью революционных преобразований действующей модели менеджмента и наметить их магистральные направления.

Лично мне более всего близка позиция, занятая, к примеру, К. Цудзимура, одним из авторов доклада <<Творческие и инновационные корпоративные системы>>, подготовленного Бюро промышленной политики при Министерстве внешней торговли и промышленности (МВТП). Он подчеркнул, что <<японский стиль менеджмента, включая корпоративные группы кэйрэцу, перекрестное акционерство, систему главных банков, пожизненный наем и оплату по старшинству, может рассматриваться как созданный на заказ промышленной политикой, которая была нацелена на догон Запада и в контексте которой он показал исключительную эффективность. Но весь этот комплекс утратил смысл существования (когда процесс догона завершился - В.Р.)²⁴.

Что ж, позиция эта не допускает многочисленных толкований. Однако большинство специалистов ощущает себя на распутье. Понимая объективную необходимость реформ, они не в состоянии отделаться от чувств законного восхищения былыми заслугами фирменного управления по - японски и испытывают благоговейный страх перед последствиями, которые может принести его перестройка (потенциальными жертвами при этом называют ни больше ни меньше, как социально - политическую стабильность и национальную культуру).

Показательна в этом отношении беседа известного английского япониста Р.Дора и крупного японского бизнесмена Дз.Усио, опубликованная на страницах журнала <<Тюокорон>>²⁵. Странновато, но именно первый проявил особо трогательную заботу о все еще доминирующих управленческих порядках. По его словам, <<наилучшая для Японии будущего конструкция включала бы сохранение системы главных банков (пусть даже и не столь ярко выраженной, как в прошлом) и придание первостепенного значения благосостоянию персо-

нала (в противовес акционерам - В.Р.) при руководящей роли правления, составленного из лиц, поднявшихся по лестнице последовательных должностей, а не из отчаянных главных исполнительных директоров, привлеченных извне и вознаграждаемых миллионами долларов вроде Ли Айякокки в "Крайслере". И персонал следует мотивировать системой оплаты по старшинству>>.

Он также воспел перекрестное акционерство как панацею от враждебных слияний и поглощений, посетовал на все более активное введение в оборот показателя ROE (отношение чистой прибыли компаний к средствам акционеров) как подспорья для измерения эффективности использования капитала в ущерб показателю добавленной стоимости (разность между продажами и издержками компании за определенный период), а также на предложения о перенесении на японскую почву аналогов американского плана 401(k), в соответствии с которым индивиды в предвидении резкого (под воздействием ухудшающейся демографической ситуации) сокращения выплат из фондов пенсионных систем для наемных работников вкладывают свои сбережения на <<закатные>> годы не в банки, а в ценные бумаги, т.е. становятся менеджерами собственных инвестиций.

Наконец, он предупредил, что заимствование новых систем менеджмента повлечет за собой <<принесение в жертву интересов наемных работников>> и <<разрушение гармонии в отношениях между трудом и капиталом>>.

Подобная апология отжившего или отживающего, неприятие всего, так или иначе связанного с глобализационным процессом, изумляют и поражают. Это рецепт гарантированного застоя и, хуже того, - отката с завоеванных Японией рубежей. Маститому ученому словно бы невдомек, что перекрестное акционерство превращает здоровую конкуренцию в жалкий фарс, удерживает на плаву массу давно созревших для банкротства компаний, обрекает производственно - сбытовые объединения на варение в собственном соку, блокирует прилив в фирменные руководящие органы компетентных управляющих - иностранцев, что игнорирование интересов акционеров выбивает Японию из общепринятой мировой практики и перекрывает ей доступ на международные рынки капиталов, что пожизненный наем и оплата по старшинству - эти символы первоочередной заботы фирменной администрации о благосостоянии персонала - не просто израсходовали мотивационный заряд, привели к перенаселению в штатах избыточных работников (по имеющимся оценкам, количество их колеблется от 2 до 7 млн человек), а и обусловили там сверхконцентрацию высокооплачиваемых, но отставших от достижений научно - технического прогресса и, следовательно, низкопроизводительных ветеранов при одновременной дискриминации обогащенной новейшими знаниями молодежи, сохранение сковывающего инициативы патерналистского надзора за деятельностью кадров, культивирование иждивенчества, всепроникающий конформизм и, в более широком плане, - пугающую социальную инертность, феномен, совершенно неуместный в наступающую эпоху торжества творческой личности.

Атаки на показатель ROE и защиту показателя добавленной стоимости он объясняет тем обстоятельством, что японские компании направляют относительно большую часть последней не на пополнение фонда прибылей, а на обеспечение благосостояния персонала, в том числе и на издержки, вызываемые присутствием <<ненужных работников (! - В.Р.) в платежных ведомостях>>. К тому же ему совсем не по душе самый факт широкого использования показателя ROE американскими фирмами. А обращение к принципам, заложенным в плане 401 (k), отталкивает Р.Дора, во - первых, их американским

происхождением и, во - вторых, его неверием в способность рядовых японских индивидов - непрофессионалов принимать рациональные решения об объектах инвестирования своих сбережений.

Итак, с одной стороны, он как будто намеренно абстрагируется от особенностей нынешней обстановки, в которой японские компании уже физически не могут позволить себе прежнее благодущие, подкармливая избыточных работников (общие издержки на наемный персонал в Японии превышают соответствующий американский показатель примерно втрое), а, с другой стороны, выстраивает глухую стену между западной (читай - американской) и восточной (читай - японской) культурами в тот момент, когда их взаимопроникновение обретает все более зримые очертания. И не так - то безнадежна неспособность непрофессионалов принимать рациональные решения, - практический опыт не раз зарекомендовал себя великим учителем.

Дз.Усио отличает от Р.Дора куда более трезвый взгляд на положение вещей. Мягко, без нажима он доводит до сведения своего именитого собеседника данные о предельной выработке ресурсов традиционного менеджмента. Он без обиняков сообщает, что при верховенстве кэйрэцу имеет место не конкуренция, а <<соперничество в границах искусственно сооруженного рынка>>, что ввиду увеличившейся продолжительности жизни и низкой рождаемости <<традиционная система занятости становится ужасно дорогостоящей>>, что системы пожизненного найма и оплаты по старшинству настроены против взятия на работу лиц, находящихся в середине карьерного пути, и тем самым затрудняют <<привлечение ценных специалистов - иностранцев на взаимно согласованных условиях>>, что в японских фирмах <<семейная атмосфера исчезла примерно десять лет тому назад, и сейчас существует значительный разрыв в интересах администрации и персонала>>.

Но и он еще окончательно не преодолел в себе власть ностальгии по временам триумфального шествия японских методов научного управления производством и сбытом, вспоминая с теплом о квази - семейном внутрифирменном укладе, исключавшем увольнения (<<существовал консенсус относительно предпочтительности сокращения прибылей по сравнению с сокращением штатов>>), о минимизации числа компаний - неудачников (<<когда дела шли неважно, трудности делили все, сильный не пытался выжить, сокрушая слабого>>); <<банкротства удерживались на минимальном уровне, и ни одна компания не вырывалась вперед из общего ряда>>), о превосходстве <<гуманности>> японского капитализма над <<рационалистичностью>> капитализма западного, о благотворности теории <<благородной нищеты>>, выдвинутой в начале 70 - х годов несколькими лидерами делового мира, например, Т. Сакурада из <<Японской федерации ассоциаций нанимателей>> (<<Никкэйрээн>> и Т.Доко из <<Японской федерации экономических организаций>> (<<Кэйданрээн>>), которые <<жили просто и избегали роскоши>> (<<Японская история дает много примеров выдающихся лидеров, демонстрировавших дух благородной нищеты, но в наши времена зажиточности таковых лидеров можно пересчитать по пальцам. Похоже, Япония прекрасней в бедности>>), о наступлении в стране классового мира (<<Доля организованных в профсоюзы работников сократилась и составляет ныне только 22%. Даже в отраслях обрабатывающей промышленности растущее число занятых возражает против автоматического вычета профсоюзных взносов из заработной платы. Серьезных забастовок, направленных против нанимателей в этих отраслях, не

наблюдалось на протяжении сорока лет, ибо заработки увеличивались, а отпуска удлинялись>>).

Стоит ли в таком случае удивляться тому, что этот, повторяю, трезво мыслящий деятель все - таки опасается <<парового катка>> глобализации и, относя традиционный менеджмент к элементам в принципе малоподвижной национальной культуры, называет не иначе как абсурдно астрономические сроки (целых четыре десятилетия!), по истечении которых только и произойдет его трансформация? Добавлю, что на восприятие Японией идеи о правомерности роскошных условий существования для людей - баловней жизненного успеха Дз.Усио отводит и того больше - полвека. И при этом еще иронизирует : <<Конечно, если люди услышат наш разговор о том, что в течение какого - то времени мы не собираемся изменяться, на нас обрушится волна еще более суровой критики со стороны других стран, чем раньше. Поэтому нам важно *разглагольствовать* (курсив мой - В.Р.) о важности рынка и эффективности капитала>>.

Двоемыслие Дз.Усио вынуждает характеризовать его как колеблющегося консерватора, еще не дозревшего или слишком, недопустимо медленно дозревающего для того, чтобы безоговорочно встать под знамена глобализации. К счастью, в японском управленческом корпусе появляются (в немалом и постепенно возрастающем количестве) менеджеры, которых никак не упрекнешь в консерватизме и которые по мере сил и возможностей осуществляют в своих корпорациях глобализационную революцию. Это <<инсургентское>> меньшинство, сосредоточенное преимущественно в новых и бурно прогрессирующих отраслях, железной рукой проводит фирменную реструктуризацию, отменяя все сколько - нибудь значимые комплектующие традиционного управленческого режима.

Стремясь до предела уменьшить издержки, среди которых издержки на персонал занимают первое место, они не останавливаются перед массовыми увольнениями и тем самым выхолащивают <<пожизненность>> найма, низводят его до уровня чистой фикции. Они смело вводят меритократические системы оплаты труда, истончая связи между нею и продолжительностью непрерывного стажа. Они устанавливают отношения тесного сотрудничества (вплоть до слияний) с иностранными фирмами, кооптируют в свои директораты зарубежных коллег, внедряют доселе невиданную финансовую транспарентность. И не вдохновляются этикой <<благородной нищеты>>!

Реформаторы эти находят понимание и поддержку со стороны молодой поросли работников фирм, среди которой появляется все больше индивидов, не терпящих тепличную и уравнительную атмосферу, готовых на службу, сопряженную с немалыми рисками и слабо предсказуемыми перспективами, но сулящую им реальную возможность самоутвердиться, полностью раскрыть свой потенциал. Они настроены на строго контрактные отношения с нанимателями, на ликвидацию всех выходящих за их пределы порядков, основанных на лояльности компании, на имплантировании в производственную зону феодально - клановых семейных уз, соединявших <<родителей>> (нанимателей) и <<детей>> (работников).

Если эти решительно настроенные верхи и низы о чем - то и беспокоятся, так это о возможности опоздать на экспресс глобализации.

С недоверием и опаской следит за ходом глобализационного процесса японская бюрократия. По - другому и не могло быть : ведь он грубо вторгается в заповедный край ее несчитанных формальных и, что особенно пикантно, не-

формальных прерогатив, сжимает зоны ее компетенции, заземляя образ вездесущего и всемогущего чиновника в общественном и индивидуальном сознании, многократно ослабляет зависимость от нее предпринимательских кругов, обостряет ее борьбу с политиками и теми же бизнесменами за лидерство внутри национальной элиты.

Урон, нанесенный когда - то непререкаемому авторитету японских бюрократов громкими скандалами, засвидетельствовавшими крах легенды об их иммунитете от коррумпированности, а также неудачами, постигшими их старания быстро справиться с рецессией 90 - х годов, оказался настолько большим, что у ряда представителей пишущей братии возник соблазн вообще списать чиновников как игроков - тяжеловесов в открывающемся глобалистическом спектакле.

Конечно, крылышки бюрократии будут все больше подрезаться, но удел каких - то пассивных созерцателей происходящего ей не грозит. Поспешность <<могильщиков>> прискорбна, однако они заслуживают прощения хотя бы потому, что предпринятые ими демарши, видимо, и подвигнули профессора П.Дракера из Клэрмонтского университета выступить в журнале <<Foreign Affairs>>²⁶ с программной и будоражаще полемичной статьей <<В защиту японской бюрократии>> (сам он назвал эту защиту, местами, надо сказать, довольно своеобразную, <<ересью>>).

<<Еретичность>> статьи сводится к выступлению против пяти устоявшихся взглядов большинства американских политиков, японоведов и бизнесменов на японскую бюрократию. Вот эти взгляды : (1) ни в одной развитой стране господство бюрократов так сильно, как в Японии ; (2) для оптимизации гипертрофированной роли японских бюрократов достаточно проявления политической воли ; (3) представляемая бюрократией правящая элита не нужна современному обществу и нежелательна с точки зрения интересов подлинной демократии ; (4) упорное сопротивление японской бюрократии дерегулированию в широком смысле этого слова является всего лишь эгоистической попыткой удержаться у власти, - откладывая неизбежное, она только ухудшает положение ; (5) японцы, будь то политики, деловые люди или бюрократы, люди умные и, подобно американцам, отдают экономике абсолютный приоритет.

П.Дракер, со своей стороны, утверждает, что (1) бюрократия доминирует почти во всех развитых странах, не считая США, Австралию, Новую Зеландию и Канаду ; (2) бюрократическая элита гораздо более устойчива, чем это кажется, она умудряется властвовать десятилетиями, несмотря на скандалы и доказанные случаи некомпетентности ; (3) устойчивость эта - продукт невероятно популярной в развитых странах (кроме США) убежденности в необходимости правящей элиты, отсутствие которой грозит социальной дезинтеграцией ; приверженность старой элите сохраняется до появления универсально приемлемой замены (в Японии такой замены не видно) ; (4) японский опыт доказывает эффективность стратегии оттяжек и отсрочек, - за послевоенный период японская бюрократия неоднократно преодолевала казавшиеся нерешаемыми проблемы посредством <<откладывания решения до тех пор, пока в конце концов проблемы не испарялись>> ; (5) все японцы отдают безусловный приоритет обществу, а не экономике.

Эксплуатируя прием <<мобилизации аналогий>>, автор статьи убедительно обосновывает два первых тезиса из построенной им оппозиции. Да, <<спуск с небес>>, т.е. парашютирование отставных бюрократов на высокооплачиваемые синекуры в фирмах, как один из признаков подавляющей влия-

тельности бюрократии типичен и для Японии, и для европейских стран, и для Соединенных Штатов. Да, бюрократические элиты, особенно такая, как японская, угнездившаяся в своей нише не по праву происхождения или богатства, а благодаря успешному (в свое время) функционированию, на удивление устойчивы, даже лишаясь доверия и уважения общественности, которая обычно не спешит расставаться с былыми привязанностями, пусть и проштрафившимися, но не безнадежно порочными.

Однако доводы, выдвигаемые П.Дракером в поддержку трех остальных тезисов, вызывают желание поспорить.

Скорее, не столько *развитые страны* твердо убеждены в необходимости правящих элит, сколько их члены, размахивающие жупелом социальной дезинтеграции для оправдания собственной надобности в условиях глобализации, шаг за шагом отодвигающей их на обочину. Чем более тонким будет налет элитарности, тем безболезненнее пройдет отчуждение той части государственного суверенитета, которая мешает естественному прогрессу глобализированной экономики.

Во многом надуманными являются и угрозы социальной дезинтеграции вследствие урезания одиозных привилегий бюрократической составляющей правящей элиты. Японское общество и к нынешнему этапу успело сильно деидеологизироваться и индивидуализироваться, и, сверх того, накопить внушительную <<жировую прокладку>>. Оба эти достижения делают социальную дезинтеграцию немыслимой. Напомню, с каким олимпийским спокойствием японское общество переживает рост безработицы, как философски реагирует оно на внутривнутриполитические пертурбации. Трудно вообразить, что бюрократическая элита может выполнять для такого общества функции сцепляющего механизма.

Сомнительно, далее, и заявление об отсутствии в Японии <<универсально приемлемой>> альтернативы бюрократической элите (если признать такую альтернативу необходимой). Ее, конечно, не могут образовать военные или академическая профессура, о которых упоминает П.Дракер. Но почему не крупные предприниматели, которые, по его же словам, <<пользуются теперь беспрецедентным уважением>> общественности? Почему не новое поколение политиков, мыслящих <<по - глобалистски>> и необязательно обреченных на попадание в число коррупционеров?

Утверждение же П.Дракера об эффективности стратегии <<ничегонеделания>> при решении проблем аграрного перенаселения и модернизации системы сбыта неверно фактически. Разумеется, никаких принудительных мер для организации исхода крестьян из деревни не применялось, но бюрократы создали все экономические условия, способствовавшие такому исходу и одновременно повышению производительности труда в сельском хозяйстве. Не испаряется и сама собой проблема отсталости розничной торговли, - ее решают на основе законов, разрабатываемых бюрократами и создающих режим наибольшего благоприятствования для современных торговых предприятий. Ну, а глобализационный процесс, в известной степени дискриминируя бюрократию, в то же самое время заставляет ее работать на себя независимо от симпатий и антипатий, т.е. в пределах своих служебных обязанностей, пусть и теряющих былую, почти сакральную значимость, готовить страну к новой эпохе существования.

И, наконец, о размещении общества и экономики на шкале японских приоритетов. С одной стороны, П.Дракер безапелляционно заявляет, что перед

наблюдателем - иностранцем Япония предстает страной <<экстраординарной социальной мощи и сплоченности>>, что <<ни одно общество в истории не справлялось столь успешно (как японское - В.Р.) с чрезвычайными вызовами и неурядицами>> типа мэйдзийской вестернизации и поражения во второй мировой войне. С другой стороны, японцы, по его мнению, считают свое общество <<хрупким>>, знают, насколько оно было близко к <<коллапсу и гражданской войне>> и в начале эпохи Мэйдзи, и после капитуляции 1945 г. И, в частности, поэтому они - де придают огромное значение пожизненному найму как средству <<социального склеивания>>.

Где же истина? По - моему, японское общество таково, каким оно предстает наблюдателю - иностранцу, а ламентации японцев насчет его хрупкости есть не что иное, как дань их неистребимой привычки к самоуничижению. Подчеркнуто ненарушаемый социальный покой на всем протяжении рецессии 90 -х годов, когда, между прочим, рушилась система пожизненного найма (она и во времена своего расцвета охватывала не более трети наемных работников), - лишнее тому подтверждение.

Именно потому, что устойчивость общества является в общественном и индивидуальном сознании некоей аксиомной данностью, а экономика, хронически подверженная колебаниям прямо противоположной направленности, оказывается, по крайней мере на первых стадиях глобализационного процесса, главным объектом его воздействия, ей, экономике, бюрократам (да и всем японцам) приходится уделять основное внимание, какие бы, повторяю, удары этот процесс ни наносил по ним самим.

Японскую экономику предстоит не только избавить от трех <<избыточностей>> (избыточных производственных мощностей, избыточной занятости и избыточной задолженности). Надо покончить с остатками феодальной зарегулированности и махрового протекционизма, открыть внутренний рынок свежим ветрам глобальных просторов, перекроить отраслевую структуру с видами на драматическое усиление конкурентоспособности продукции, вывести хозяйство на траекторию стабильного роста, подвести новую идеологическую базу под предпринимательство.

Без претворения в жизнь этих мер, какими болезненными они бы ни были, для Японии, по словам Х.Ота, одного из редакторов газеты <<Ёмиури>>, <<не будет двадцать первого века>>²⁷. Зато их осуществление позволит широким массам постичь действительное содержание глобализационного процесса, преисполниться решимости глобализироваться самим и внести встречный вклад в глобализацию международного сообщества, т. е., как подчеркивает директор Института гуманитарных исследований при компании <<Дэнцу>> С. Фукукава, <<плыть на ее волне>>²⁸.

Характерно, что три независимых консультативных органа при кабинете министров выступили в последнее время с документами, вобравшими в себя непривычно откровенные и настоятельные рекомендации грандиозного социально - экономического передела, причем степень их радикальности быстро повышалась.

Так, члены Комиссии по вопросам конкурентоспособности отвели непропорционально большое место в своем документе сведению счетов с прошлым, критике послевоенной модели развития, за что и были по справедливости осуждены профессором университета <<Хитоцубаси>> И.Накатани²⁹. Тем не менее и в этот документ были вставлены предложения рафинированно глобалистского свойства.

Например, Комиссия рекомендовала перейти в политике занятости от охраны существующих рабочих мест в низкопроизводительных отраслях к стимулированию притока человеческих ресурсов в отрасли высокопроизводительные и обладающие потенциалом дальнейшего роста.

Она также предложила отказаться от нынешней практики субсидирования нанимателей за сохранение штатов, возложив вместо этого на государство гарантирование части издержек, связанных с такой переподготовкой безработных, которая дала бы им возможность обрести специальности, подходящие для устройства в перспективных, авангардных отраслях XXI века, а они формируют так называемую <<электронную экономику>> - глобализованную сферу деловой активности, процветающую благодаря электронной торговле на базе компьютерных сетей интернетовского типа с использованием самых передовых информационных технологий.

Следующий документ, привлекающий к себе внимание, был подготовлен Экономическим Советом при премьер - министре и одобрен кабинетом 8 июля 1999 г. Это - десятилетний план с весьма претенциозным названием, - <<Идеальная социо - экономика и политика экономического возрождения>>³⁰.

Авторы документа прямо заявляют, что рецессия 90 - х годов была не просто очередной неблагоприятной фазой цикла. Она указала на крах послевоенных систем и практик с их упором на равенство результатов и ознаменовала собой начало исторического перехода от индустриальной эры к эре знаний, когда во главу угла будет ставиться равенство возможностей.

Иначе говоря, документ провозглашает замену одной из наиглавнейших опор послевоенной социально - экономической идеологии и предвещает такое <<глобализационное>> последствие этой замены, как внедрение механизма вознаграждений, увязанных с индивидуальными творческими инициативами и рисками, что обязательно приведет к увеличению разрыва в доходах тех, кому будет сопутствовать успех, и тех, кто будет терпеть неудачи.

Документом предусматривается также ослабление препон на путях иммиграции в Японию. Правда, авторы плана имеют в виду только наиболее квалифицированных иммигрантов, предназначенных для заполнения вакансий в сферах высоких технологий, и не готовы согласиться на прием лиц, не обладающих особо изысканными специальностями (а спрос на них как раз будет немалым, поскольку японцы не проявят большой охоты выполнять различные виды <<черных>> работ), но тут важен почин, атака на элемент замкнутости как антипода глобализации, развитая в третьем документе - пожалуй, самом радикальном³¹.

Он вышел в январе 2000 г. из - под пера интеллектуалов и лидеров общественного мнения, собранных в марте 1999 г. тогдашним премьером К.Обути в группу для сформулирования целей страны в XXI веке (интересно, что в состав этой группы, которую возглавил Х.Каваи, руководитель Международного центра японских исследований, не были приглашены бюрократы, по традиции направлявшие деятельность правительства). Образование группы средства массовой информации назвали ответом на беды <<потерянного десятилетия>>, т.е. 90 - х годов, когда международный статус Японии чувствительно пострадал из - за, казалось бы, нескончаемой рецессии.

Составленный группой доклад с его исключительно емким наименованием (<<Внутренняя граница : усиление позиций индивида и улучшение управления в новом тысячелетии>>) звучит гневным обвинительным актом всему тому, что определяет портрет современного японского общества, тому, что веками

культивировалось и восхвалялось как гарантии единства страны - конформизму, принятию решений на основе консенсуса, слепому следованию раз и навсегда принятым нормам поведения, всеохватывающей зависимости личности от государства, чиновничества, всевозможных социально - экономических институций.

Падкая на сенсации пресса поспешила выделить в докладе существенное, но не важнейшее место - призыв к превращению английского во второй официальный язык страны. Проблема, безусловно, очень серьезная, и формулировки доклада не оставляют никаких сомнений на этот счет. Авторы выражают глубокое сожаление по поводу недостаточной <<глобальной грамотности>> Японии, имея в виду слабое знание английского, объявляют это нетерпимым для страны, <<зависящей от внешней торговли и прочих международных обменов как средств обеспечения национального существования>>, ссылаются на жалобы соотечественников, полагающих, что по этой причине <<Японию давно считают "безликой" страной на международной арене>>, и квалифицируют овладение английским, компьютерной техникой и интернетовским ноу - хау как <<ключ к выживанию в глобализированной среде>>.

Однако, по - моему, несравненно более важными являются те положения доклада, в которых излагается курс реформ <<окостенелого>> японского общества, лишенного <<жизненных сил>> конформизмом и приверженностью к догмам. Авторы подчеркивают, что японцы должны стать более независимыми, более терпимыми к тем, кто отклоняется от норм и меньше озабочен правилами, давлением окружения, прецедентами и укорененными интересами <<сильных мира сего>>. С их точки зрения, для того, чтобы Япония смогла преуспеть в эру глобализации, ей необходимо <<решительно усилить позиции индивидов>>, оказывать максимально возможную поддержку идущим на риск, <<вращивать дух опоры на собственные силы и уважения к оппонентам, которому до сих пор не дают достаточной свободы проявления>>.

Ясно, что такие задачи, поставленные глобализационным процессом, не решаются в одночасье, и в связи с этим надежды членов группы, возлагаемые на подрастающие поколения, объяснимы и оправданны. Так, ни чем иным, как расчетами на раскрепощение личности <<с молодых ногтей>>, продиктованы предложения авторов доклада о сокращении продолжительности школьной недели до трех дней, с тем чтобы высвободившееся время учащиеся использовали для углубленного изучения особо любимившихся им предметов. Ту же цель преследует рекомендация снизить возрастную планку участников выборов с 20 до 17 лет.

<<Докладчики>> заметно радикализировали подход своих предшественников из Экономического Совета при премьер - министре к проблеме иммиграции. Отметив, что в составе постоянно проживающего населения Японии на иностранцев приходится лишь 1,2%, т.е. намного меньше, чем в других промышленно развитых странах, что постарение японской нации приняло размеры, угрожающие ее будущности, и что многие отрасли не в состоянии привлекать работников - японцев, они фактически предали забвению разбивку потенциальных иммигрантов в зависимости от степени их мастерства и включили в текст доклада следующий пассаж : <<Мы должны учредить четкую систему иммиграции и постоянного резидентства для того, чтобы стимулировать иностранцев, от которых можно ожидать вкладов в развитие японского общества, к приезду в Японию и, по возможности, к поселению здесь на все время>>.

О том, что доклад группы успешно выполнил свою миссию, лучше всего говорит реакция охранителей <<священных устоев>>, немедленно распознавших греховное стремление авторов сделать Японию чрезмерно похожей на Америку. Например, в редакционной статье газеты <<Санкэй>> появились следующие сетования : <<Доклад слишком упирает на индивидуализм. Национальное единство у нас и без того слишком зыбко, а уважения к правам человека - слишком много>> ³².

Один из членов группы - профессор - политолог М.Ёкибэ - ответил на это так : <<Нам не следует страшиться американизации или глобализации>>. Он добавил, что, когда коммодор Мэтью Перри и его флот американских военных кораблей заставили Японию открыться миру в 1853 г., страна начала процветать ; когда генерал Дуглас Макартур и его оккупационные силы заставили Японию принять демократию американского образца, страна снова начала процветать. <<Если мы достаточно умны, то признаем, что Япония все еще очень японская. С другой стороны, если мы возжелаем цепляться за нашу идентичность, захотим оставаться "японскими до мозга костей", мы превратимся в жалких японцев, изолированных от мира. Народ станет жаловаться, что Японию снова обошли>> ³³.

Как видим, дух глобализации пронизывает все три документа, представленные правительству. Правда, авторы деликатно избегают прямой постановки проблемы судеб государственного суверенитета, но она свободно читается между строк. Ну, а в статьях авторитетных специалистов, которых трудно заподозрить в какой - либо ангажированности, проблема эта все увереннее выходит из - за кулис на свет рампы. Приведу только два, но очень типичных высказывания.

Так, профессор Токийского университета Ё.Ёкота пишет : <<Благодаря научно - техническому прогрессу в таких областях, как транспорт и связь, растущим масштабам и транснациональному характеру экономической деятельности, а также свободному передвижению людей, товаров, денег и информации через государственные границы, проблемы, связанные с развитием экономики, здравоохранением и социальным обеспечением, образованием, борьбой с наркобизнесом, обеспечением законности и порядка, т.е. *проблемы, которые отдельно взятые страны привыкли считать внутренними* (курсив мой - В.Р.), глобализировались. Поскольку глобализационный процесс протекает неравномерно, некоторые страны и регионы еще не ощутили его воздействие в полной мере, но тот факт, что этот стремительный и неостановимый процесс втягивает их в водоворот радикальных перемен, не подлежит ни малейшему сомнению. *В XXI в. миру придется решать общие проблемы как единому человеческому сообществу* (курсив мой - В.Р.). Очевидно, что среди них окажутся проблемы, связанные с подрывом окружающей среды, истощением природных ресурсов, абсолютной нищетой, демографическим взрывом, производством и потреблением наркотиков, терроризмом и мощными потоками беженцев. Собственно говоря, уже теперь к перечисленным проблемам относятся как к глобальным>>.

И еще : <<До сих пор тяговой силой международных отношений остаются национальные интересы, и ответственность за решение проблем, имеющих прямое касательство к обустройству жизни (безопасность граждан, качество повседневного быта, здравоохранение и социальное обеспечение, образование и качество окружающей среды), несут отдельно взятые национальные государства. Хотя и в XXI в. львиная доля ответственности все еще будет лежать

на них, *параметры многих из этих проблем "перерастут" способности стран решать их в индивидуальном порядке. Роль международных организаций, и главным образом ООН в решении указанных проблем станет критически важной* (курсив мой - В.Р.)>> ³⁴.

Посол Японии в Республике Корея К.Огура указывает, что многие противоречия, которые выявляются при принятии мер по сохранению и укреплению современной международной системы, порождены <<жесткостью правительств и вялостью их откликов на события реальной действительности>>. Он продолжает : <<Появление бесчисленного количества мультинациональных корпораций, перелив экономической деятельности через национальные границы, либерализация сделок с капиталом, торговли и инвестиций, быстрый технологический прогресс лишили правительства способности своевременно реагировать на новые ситуации (будь то внутри страны или на международной арене) посредством создания нового порядка. Имеются два способа исправления этого положения вещей. Один из них состоит в более активном вовлечении частного сектора и неправительственных организаций в создание нового международного порядка. Другой заключается в передаче отдельными странами части своего суверенитета многосторонним институциям, т.е. в "передвижке" права на осуществление суверенитета с национального на международный уровень (курсив мой - В.Р.). В рамках международного экономического сообщества феномен жесткости правительств и вялости их откликов на события реальной действительности может быть интерпретирован как противоречие между нарастающим переливом экономической деятельности через национальные границы, с одной стороны, и политическими системами, все еще функционирующими в концептуальном ареале национальных границ и национального суверенитета, с другой. ЕС олицетворяет собой в известном смысле политическую попытку разрешить это противоречие путем создания регионального альянса. Не будет преувеличением сказать, что осуществление национального суверенитета является чрезвычайно важной проблемой, которой предстоит заняться Японии при разработке политики обеспечения экономической безопасности. Изберет ли она восточно - азиатскую концепцию, использует ли такой форум, как Организация экономического сотрудничества стран Азии (АПЕК), обратится ли к идее японо - американской зоны свободной торговли, ей следует ради собственных интересов и интересов укрепления международной системы задуматься о создании механизма совершенствования своей экономической структуры *на основе международного сотрудничества, которое предусматривало бы взаимные ограничения на осуществление суверенитета* (курсив мой - В.Р.)>> ³⁵.

Каковы шансы на принятие властными органами глобалистских рекомендаций к исполнению? Это по многим причинам не праздный вопрос. И одна из них, причем крайне важная, - дефицит решимости и избыток осторожности в правительственных верхах, вынужденных страховаться вкруговую, от настоящих и, большей частью, воображаемых, надуманных опасностей. Отсюда и скептическое отношение крупных сегментов общественности к плодам работы консультативных советов (например, в беседах со мной японские дипломаты не раз называли их рекомендации утопическими), тормозящее пришествие эпохи глобализации в Японию.

Маятниковые колебания кабинета министров от настроенности на сверхактивность к изнурительным ожиданиям благоприятного момента, а то и к пустопорожнему прожектерству наглядно продемонстрировал в свое время

бывший премьер - министр К.Обути - безусловный сторонник реформ, повязанный, однако, по рукам и ногам экономическими, политическими и социальными обязательствами.

В апреле 1999 г. он сообщал американской аудитории, что японские фирмы не могут больше позволять себе превращение социальной стабильности в приоритет и держать работников в штатах независимо от размера прибылей. А в ноябре того же года премьер говорил главам стран - членов АСЕАН, что поддерживает реструктуризацию, но не такую коренную, как в США и Европе, не так называемое <<отсечение голов у живых людей>> (слово <<увольнение>> по - японски означает буквально <<отсечение головы>>). Какую же? Промежуточную, исключаящую как увольнения на американский манер, так и институционализированную европейскую безработицу, компенсируемую дорогостоящей системой социального обеспечения, т.е. пресловутый <<третий путь>>, конкретное содержание которого никому неизвестно³⁶.

Разумеется, большинству работающих по найму японцев импонируют слова политиков высокого ранга о защите рабочих мест, но передовые, ударные части <<Джапан Инкорпорейтед>> предпочитают не замечать этих слов и, как отмечалось выше, все более внимательно внимают <<посланиям>> глобального рынка - сокращают штаты, закрывают нерентабельные предприятия, сливаются с местными и зарубежными контрагентами в попытке минимизировать издержки и максимизировать конкурентоспособность.

Таким образом, в <<железном треугольнике>>, объединяющем японских политиков, бюрократов и бизнесменов, появляется трещина, куда как удобная для просачивания в страну идей глобализации и превращения их в материальную силу. Давление предпринимателей - реформаторов на правительство, помноженное на требования Запада освободиться от архаичной специфики и вести экономическую и политическую игру по правилам квалифицированного большинства и на чаяния ближнего и дальнего азиатского зарубежья, ожидающего от Японии новых и смелых реформ, которые должны вернуть ей роль генератора роста всего региона, - это давление будет усиливаться и не может не дать результатов.

Критический вопрос - сроки, а их продолжительность во многом зависит от того, насколько велик запас прочности антиреформистского лагеря, отменно представленного в любых сферах и на любом уровне. Как ни иронично это звучит, но даже достижения в области перестройки могут дать в руки противникам реформ доводы в пользу ее замедления или приостановки, - ведь не раз в совсем недавней истории страны бывало так, что то же правительство при, в общем - то, неявных признаках выздоровления экономики спешило приглушить свой собственный реформаторский пыл, принималось поживать на лаврах, уповая на легендарную кривую, которая - де сама вывезет.

Если верить самым неисправимым пессимистам, то только внезапные, тектонического масштаба встряски вроде тотального экономического паралича или выхода Соединенных Штатов из военного союза с Японией способны окончательно и бесповоротно расчистить дорогу глобализационному процессу. Но, во - первых, такие встряски принадлежат миру ненаучной фантастики, а, во - вторых, они были бы запретительно высокой ценой за прогресс. Поэтому мгновенное, на американский лад погружение в море глобализационных реформ для Японии непереваримо. Но и отсиживаться в течение неопределенно долгого времени за частоколом паллиативов ей на сей раз не удастся - развитие глобализационного процесса все в большей степени становится автоматиче-

ским, бесконтрольным, неуправляемым. и его торжество неминуемо. Назвать точную дату этого торжества невозможно. Остается надеяться на то, что реформаторы одолеют своих соперников по идущему с переменным успехом перетягиванию каната до нанесения международным позициям страны непоправимого ущерба.

Примечания

¹Японские и американские средства массовой информации переполнены сообщениями о быстро углубляющейся лингвистической пропасти, которая разделяет японцев из состава различных возрастных прослоек. Массовое вторжение зарубежных терминов, утверждающихся посредством простого транскрибирования, делает многие тексты, например, руководства по эксплуатации компьютеров, ресторанные меню, даже кое - какие уличные вывески, малопонятными для лиц среднего возраста, не говоря уж о пожилых и престарелых. То же относится и к разговорной речи. <<Когда мои внуки говорят на своем странном жаргоне, я не понимаю их, но не имею ничего против, - говорит Фумико Кавагути, 87 - летняя матрона, живущая в западной части Токио. - Но когда они хотят побеседовать со мной, я предупреждаю, что им придется говорить по - японски>>(The International Herald Tribune. 05.04.1999).

²См., например, *Сазуки К.* Гуробаридзуму то ю кёко (Глобалистическая фикция). - Асуэйон, 1998, № 3, с. 44.

³МЭ и МО, 1999, № 4, с.37.

⁴Этот термин популяризировал в Японии профессор Токийского университета Ё. Ямамото. См., например, *Ямамото Ё.* Кокусай рэдзиму рон : Сэйфу наки тоти - о мотомэтэ (Международные режимы : в поисках правления без правительства). - Кокусай гайко дзасси, 1996, № 1, с. 1 - 53.

⁵*Ruggie J. G.* International Regimes and Change : Embedded Liberalism in the Post - War Economic Order. - International Regimes. Ithaka, 1983.

⁶В широкое обращение этот термин ввел Р.Лоренс. См., например, *Lawrence R.Z.* Regionalism, Multilateralism, and Deeper Integration. Washington, 1996.

⁷Ibid.

⁸МЭ и МО, 1999, № 10, с. 4.

⁹Ни малейшего намека на согласие не наблюдается и в таком вопросе, как хронология глобализации. Говорят, например, о ее античных формах на просторах Римской империи, о ее колониальной разновидности, успешно прогрессирующей в промежутке между эпохой великих географических открытий и завершающим отрезком XIX в. и особенно о полустолетии, простершемся от 1860 - г.г. до 1914 г. По мнению Р. Дэйла (см. The International Herald Tribune. 15. 01. 1999.), не что иное, как потрясшая всеобщее воображение прокладка трансатлантического кабеля между Нью - Йорком и Лондоном в 1860 - х годах с последующим подключением Японии и Аргентины, открыло пути для перелива горячих денег (и, добавлю, информации) и таким образом возвестило о <<золотом веке глобализации - периоде, живо напоминающем наш собственный и прерванном первой мировой войной>>. То было время мощного оттока капиталов из Европы на периферию <<цивилизованного>> мира, - в ту же Аргентину, в Австралию, Канаду, Соединенные Штаты. Активность Великобритании на этом поприще поистине не знала границ. К 1913 г. она ежегодно экспортировала капитал на сумму, равную 9% валового внутреннего продукта (ВВП), и накопила зарубежные активы, достигавшие 140% ВВП. Скупая долговые обязательства и акции, Великобритания финансировала создание значительной части инфраструктуры в только что названных странах (портфель зарубежных ценных бумаг <<владычицы морей>> на 40% состоял и акций железнодорожных компаний, на 30% - из суверенных долговых обязательств, на 10% - из акций горнодобывающих компаний, на 5% - из акций компаний коммунального хозяйства и т.д.). В нарастающих масштабах вывозили Германия, Франция и Голландия. Мобильность трудовых ресурсов в границах мировой экономики была гораздо более интенсивной, чем в наши дни. Только во второй половине XIX в. почти сорок миллионов европейцев перебрались в Северную Америку, миллионы эмигрировали в умеренные климатические регионы южного полушария планеты и сотни тысяч покинули Индию и Китай ради британских территорий в Юго - Восточной Азии и Африке. Как видим, понятие глобализации в данном случае укладывают в Прокрустово ложе <<самых наглядных проявлений>>. Да по - иному и быть не могло : достаточно сказать, что тогда не было ни международных финансовых институтов, ни мультинациональных компаний, ни массовых (и разрушительных) перемещений краткосрочных капиталов, ни практически никаких заслуживающих внимания валютных спекуляций. Суверенитет национальных государств - метрополий сохранялся в полном

объеме, а эпохальные технические прорывы (телефон, радио, автомобиль, самолет) только еще начинали готовить почву для высокоинтегрированной мировой рыночной экономики и конвергенции. Можно согласиться с утверждением Д. Хэйла, что, не будь первой мировой войны, такая экономика стала бы реальностью уже в тридцатых - сороковых годах, отмеченных, как известно, депрессией и возобновлением военных столкновений (см. The International Herald Tribune. 30. 12. 1999.). Однако то, что наблюдалось в <<славные полвека>>, закончившегося 1914 г., все - таки нельзя назвать полноценной глобализацией.

¹⁰Повседневная практика, судя по сообщениям прессы, дает немало подтверждающих этот вывод примеров. Так, химическая империя <<Дюпон>>, советником которой по проблемам окружающей биосферы является П.Гилдинг, возглавлявший когда - то <<Гринпис>>, прекрасно сознает, что в <<бесстенном мире>> за строительством каждого ее нового предприятия наблюдают тысячи экологов и что стоит на этом предприятии произойти малейшей утечке вредоносных веществ, как эти самые наблюдатели направят разоблачающую информацию в Интернет, и дюпоновское реноме пострадает на огромном пространстве от одного края планеты до другого. Швейная фабрика <<Виктория Сикрет>> на Шри Ланке, еще недавно представлявшая собой типичное потогонное предприятие, отличается ныне небывало благоприятными условиями труда потому, что активисты движения против такого рода предприятий мобилизовали армию потребителей, пригрозивших администрации глобальным бойкотом ее товаров. Там же на Шри Ланке закончили подготовку к принятию новых законов об авторском праве, за которые долгие годы упорно, но безрезультатно сражались местные программисты, мечтавшие о защите своих инноваций. И произошло это под давлением фирмы <<Майкрософт>>, объявившей правительству, что не будет продавать свои продукты в стране со столь слабым законодательством, касающимся интеллектуальной собственности. Наконец, совсем уж любопытный прецедент. ВТО посчитала, что американский закон, запрещающий ввоз тунцов, вылавливаемых сетями, в которых запутываются дельфины, представляет собой торговый барьер, и высказалась против его применения. Тем не менее американские супермаркеты завалены консервными банками с тунцовым мясом. На каждой банке значится : <<Пойманы сетями, безопасными для дельфинов>>. Оказывается, экологи, игнорируя решение ВТО, подняли на ноги потребителей, те принялись давить на консервные фирмы, а фирмы - на рыбаков. Не будь свободной торговли, никто не смог бы повлиять на последних в нужном направлении (Нихон кэйдзай симбун. 28. 01. 2000). Итак, в мире, опирающемся на интернетовскую паутину, повышение качества глобального управления в сфере экологии, интеллектуальной собственности, труда и т.п. обеспечивается не тактическими приемами шестидесятых годов, т.е. не блокированием внешней торговли, <<удушением>> глобализации и нажимом на ВТО с целью умножения количества торговых барьеров. Напротив, следует всемерно использовать глобализацию, могущество внешней торговли, Интернета и потребителей для убеждения стран и фирм в необходимости совершенствования стандартов. Решение этой задачи требует напряженной работы, несовместимой с цирковыми номерами, показанными и в Сиэтле, и в Давосе, и в Вашингтоне, и в Лондоне.

¹¹Предложений о путях такой организации хоть отбавляй. Вот одно из них, выдвинутое Р.Фолком и Э.Страуссом. По их мнению, наиболее привлекательной инновацией в этой области была бы общемировая кампания <<на уровне корней травы>> за создание первой Глобальной Ассамблеи Народов. Авторы признают, что многим это предложение покажется фантастическим. <<Конечно, - пишут они, - маловероятна поддержка большинством правительств предложения, угрожающего их монополии на мировой арене, но их позиция не должна быть решающим фактором>>. Далее излагается суть предложения : <<Глобализация создает негосударственное мировое гражданское общество, состоящее из неправительственных организаций, транснациональных компаний, наемных работников, средств массовой информации, культурных и религиозных институтов, сетевых систем и космополитических индивидов, обладающих экстраординарными богатствами и влиянием. Эта численно небольшая, но весьма заметная группа глобализированных граждан в настоящее время располагает возможностью (может быть, с помощью ряда дальновидных правительств) создать упомянутую Ассамблею. Если, согласно демократическим принципам, носителями политической власти являются, в конечном счете, граждане, то они имеют право на основание собственной Ассамблеи. Как следует действовать, чтобы Ассамблея эта стала реальностью? Возможно, самым эффективным первым шагом было бы опубликование воззвания, одобренного морально авторитетными фигурами (религиозными лидерами, лауреатами Нобелевской премии мира) и призывающего народы мира к созданию такой Ассамблеи. При условии хорошей подготовки воззвание могло бы помочь со сбором необходимых для организационной работы средств. Вторым шагом могло бы стать проведение в различных районах мира митингов с целью формирования комитетов граждан, которые организовали бы глобальные выборы и наблюдали бы за их проведением. Наиболее приемлемой и справедливой была бы, видимо, формула <<один человек - один голос>>. Затем

состоялись бы выборы, за которыми следили бы авторитетные наблюдатели. На пути к ним, естественно, возникло бы множество препятствий. Предстояло бы определить роли глобального выборщика, учредить систему финансирования выборной кампании, защититься от попыток манипулирования голосованием или его подрыва. Некоторые правительства, несомненно, не допустят проведения выборов в их странах. В результате на начальной стадии народы этих стран будут либо не представлены, либо представлены на временной основе посредством выборов, которые проведут граждане, находящиеся в изгнании. Вряд ли стоит сомневаться в том, что организационные и политические проблемы могут быть решены достаточно добросовестными участниками. Инновация с глобальной ассамблеей выглядит гораздо менее радикальной, чем острая историческая борьба, шедшая веками против королевского абсолютизма и за создание парламентских образований, которые представляли бы граждан. После своего создания Ассамблея на первых порах будет играть скромную роль. Но если через какое-то время ей удастся добиться респектабельности, она начнет оказывать влияние на правительства и средства массовой информации. На этом этапе станет возможным настаивать на ее формальном включении в систему ООН. А до наступления данного этапа Ассамблея имела бы юридический статус, подобный статусу таких неправительственных организаций, как Красный Крест, Международная Амнистия или Международный Олимпийский комитет, но с одним важным отличием: она могла бы претендовать на представительство всех народов мира. В качестве организации такого рода она была бы наделена потенциалом превращения во влиятельное образование задолго до получения формального признания. В конце концов, английский парламент начал в качестве неформальной совещательной организации, чье влияние как единственной представительницы народа постепенно стало очень значительным. Набирающий сейчас все большую мощь и избираемый напрямую Европейский Парламент долгое время существовал как по большей части символическое представительство народов Европейского Союза. Глобальная Ассамблея могла бы эффективно способствовать созданию планетарных норм путем высказывания взглядов по критическим проблемам глобальной политики. Она могла бы не только стать действенным органом защиты социальной справедливости, но и внести громадный вклад в развитие более мирного глобального порядка. Представители различных стран и цивилизаций встречались бы в джентльменской обстановке, <<продвигая>> взаимные интересы и обсуждая разногласия. Группы с совпадающими интересами, пытающиеся воздействовать на Ассамблею, наводили бы мосты через национальные границы. Нормальная парламентская работа делегатов, нацеленная на достижение социального консенсуса в отношении тех или иных вопросов, стимулировала бы развитие универсальных ценностей в ущерб узкокорыстным заботам и верованиям. Более демократический мир, в котором индивиды и группы были бы не особо склонны считать свои права находящимися под угрозой, по всей вероятности, жил бы в условиях более прочного мира. Прогресс глобального гражданского общества на величественной заре нового тысячелетия дает нам возможность участвовать в создании демократической системы, в которой государственная власть, внутри стран или на мировой арене, основывается непосредственно на согласии управляемых. При наличии Глобальной Ассамблеи Народов грандиозный проект демократической формы общемирового управления мог бы реализовываться с большей, чем когда-либо, уверенностью>> (The International Herald Tribune. 05. 10. 1999).

¹²Асахи симбун. 08. 01. 2000.

¹³Там же.

¹⁴Критики глобализации обвиняют мультинациональные компании во всех смертных грехах: они не знают удержу, уничтожают рабочие места, сбивают уровень зарплаты и вообще сокрушают локальные экономики. Удержу они и точно не знают. Их доля в общем объеме продукции и в занятости непрерывно возрастает. В 1996 г. (последний год, за который имеются данные) они выпускали 15,8% продукции американской обрабатывающей промышленности против 8,8% в 1985 г. и 13,2% в 1989 г. Если в 1989 г. на их предприятиях в той же отрасли было занято 10,8% от общего числа работников, то в 1996 г. этот показатель достиг 11,4%. В Англии, Канаде и Швеции наблюдается аналогичная тенденция. В Ирландии мультинациональные компании обеспечивают 66% продукции обрабатывающей промышленности и дают работу 47% наемного персонала. В Германии и Франции соответствующие показатели также довольно высоки, хотя и не увеличиваются столь быстро, как в США. Но так ли уж деструктивна растущая роль мультинациональных компаний в национальных экономиках? Факты заставляют отвечать на этот вопрос отрицательно. Во-первых, они платят своим работникам больше средних национальных показателей (в США - на 6%, в Англии - на 29%, во Франции - на 12%, в Нидерландах - на 30%, в Ирландии - на 24%, в Японии - на 35%). Во-вторых, в большинстве стран они создают рабочие места быстрее своих локальных конкурентов (в 1989 - 1996 годах персонал мультинациональных компаний в США увеличивался на 1,4% в год, тогда как соответствующий показатель для местных компаний равнялся 0,8%; в Англии и Франции занятость на

предприятиях мультинациональных компаний возростала в тот же период на 1,7% в год, а на предприятиях местных компаний ежегодно сокращалась на 2,7%). В - третьих, мультинациональные компании осуществляют на местах крупные вложения в научные исследования и разработки (в 1996 г., например, на них пришлось 12% от всех американских расходов на эти цели ; во Франции соответствующий показатель составлял 19%, а в Англии - 40% ; в этой последней мультинациональные компании ассигновали в том же году на научные исследования и разработки 2% от объема своего оборота, а английские фирмы - 1,5%). В - четвертых, мультинациональные компании экспортируют больше локальных (в 1996 г. мультинационалы вывезли из Ирландии 89% произведенной ими продукции, а локальные - 34% ; в Нидерландах соответствующие показатели составили 64% и 37%, во Франции - 35,2% и 33,6%, в Японии - 13,1% и 10,6%) (The Economist. 08. 01. 2000).

¹⁵ Ёмиури симбун. 25. 02. 2000.

¹⁶ Context. 14. 01. 2000.

¹⁷ Для подготовки обзора были использованы журналы <<Сэкай>>, <<Экономисутто>>, <<Тюокорон>>, <<Бунгэй сьондзю>>, <<Сюкан тоё кэйдзай>>, <<Гэккан кэйданрэн>>, <<Кэйдзай, сякай, сэйдзи>>, <<Japan Review of International Affairs>>, <<The Economist>> и газеты <<Ниппон кэйдзай симбун>>, <<Асахи симбун>>, <<Ёмиури симбун>>, <<Санкэй симбун>>, <<The Nikkei Weekly>>, <<The Financial Times>>, <<The International Herald Tribune>>.

¹⁸ Ниппон кэйдзай симбун. 25. 08. 1997.

¹⁹ Там же.

²⁰ <<Лица третьих стран>> - этот термин был введен в употребление американскими оккупационными властями в отношении неяпонцев и нечленов союзнических вооруженных сил. Однако японцы придали ему ксенофобский характер, намекая, что этим лицам следовало бы убираться из Японии. Ныне он используется крайне редко, но неизменно в оскорбительном смысле.

²¹ В. Молодяков, считающий словосочетание <<государственный организм>> наиболее точным переводом термина <<кокутай>>, пишет : <<Согласно учению "школы Мито", кокутай - это специфически японская государственная общность, объединяющая императора (первосвященника Синто и сакрального вождя), японский народ (потомков богини Аматаэрасу) и собственно Японские острова (творение богов Идзанаги и Идзанами) в естественное единое целое. Формированию именно такого миропонимания, безусловно, способствовали гомогенность японцев, почти два столетия полной самоизоляции и, конечно, фактор островного положения - географическая замкнутость и геополитическая завершенность, организованность Пространства, имеющего как политико - географическое, так и сакрально - географическое значение>> (Молодяков В. Консервативная революция в Японии. М., 1999, с.62).

²² Знакомьтесь - Япония, 2000, №27, с. 30 - 31.

²³ The International Herald Tribune. 25. 01.2000.

²⁴ Содзо какусин гата копорэто сисутэму (Творческие и инновационные корпоративные системы). Токио, 1998, с.8.

²⁵ Тюокорон, 1999, №1, с.84 - 97.

²⁶ Foreign Affairs, 1998, September - October, p.68 - 80.

²⁷ Ёмиури симбун. 12. 08. 1998.

²⁸ Там же. 04. 12. 1998.

²⁹ The Nikkei Weekly. 14. 06. 1999. Профессор Накатани видит в японской экономике два сектора - <<электронный>>, за которым будущее, и <<традиционный>>, от которого нельзя ждать инноваций прорывного характера. Преувеличенное внимание членов комиссии к <<прошлому>>, т.е. к <<традиционному>> сектору, и недооценку ими <<электронного>> сектора профессор объясняет слишком большим представительством в комиссии высших менеджеров металлургической, судостроительной, текстильной и других <<старых>> отраслей.

³⁰ Там же. 12. 07. 1999.

³¹ The Prime Minister's Commission on Japan's Goals in the 21st Century. The Frontier Within : Individual Empowerment and Better Governance in the New Millennium. Tokyo, January 2000.

³² Санкэй симбун. 26. 01. 2000.

³³ The International Herald Tribune. 21. 01. 2000.

³⁴ Japan Review of International Affairs. Summer 1999, p.89 - 90.

³⁵ Op. cit. Winter 1998, p.331 - 332.

³⁶ Far Eastern Economic Review (Interactive Edition). 26. 11. 1999.

МЕЖФИРМЕННАЯ ЭЛЕКТРОННАЯ ТОРГОВЛЯ – НОВОЕ НАПРАВЛЕНИЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ ЯПОНСКОЙ ЭКОНОМИКИ

Наряду с рассмотренными выше направлениями развития японской экономики к 2000 г. обозначилась еще одна важная тенденция. В ряде глобальных отраслей, в частности, автомобильной и электротехнической, наблюдается начало бурного развития межфирменной электронной торговли. По определению Министерства экономики, торговли и промышленности (МЭТП) Японии, электронная торговля – это процесс осуществления деловых операций с помощью электронных средств связи и передачи данных и информации, в том числе и с использованием технологий Интернет. Превращение глобальной информационной сети в среду межфирменного взаимодействия позволяет говорить об электронной торговле как о новом направлении глобализации японской экономики.

Данные экспертов МЭТП показывают, что межфирменная электронная торговля имеет значительный потенциал развития и может стать катализатором выхода экономики страны из затянувшегося кризиса. Так, с 1998 по 2000 г. объем межфирменной электронной торговли увеличился более чем в 2,5 раза и составил 22 трлн. иен. При этом ожидается, что к 2005 г. объем межфирменной электронной торговли увеличится еще более чем в 5 раз и составит 111 трлн. иен, что сопоставимо с величиной внешнеторгового оборота Японии в 1998 г.

Развитие электронной торговли не происходит равномерно во всех отраслях экономики Японии. Доля электротехнической и автомобильной отраслей в объеме электронной торговли на межфирменном уровне в 1998-2000 гг. стабильно превышала 80 %. Однако уже в 2001–2005 гг. ожидается выход на первый план таких отраслей, как строительство и производство потребительских товаров. При этом доля автомобильной и электротехнической отраслей снизится до 19 и 29 %.

Начало процесса выравнивания отраслевой структуры распространения межфирменной электронной торговли будет являться отражением роста конкурентоспособности японской промышленности. Одним из факторов выравнивания структуры является расширение использования межфирменных электронных рыночных площадок. Являясь технологически и концептуально новым этапом развития электронной торговли, в 1999-2000 гг. межфирменные электронные рыночные площадки ещё не играли существенной роли. Объем трансакций составил в 2000 г. лишь 200 млрд. иен или менее одного процента всей межфирменной электронной торговли. Благодаря использованию общедоступной технологии передачи данных по сети Интернет, межфирменные электронные рыночные площадки обладают ценовыми и технологическими характеристиками, позволяющими реализовывать их преимущества в гораздо менее прибыльных отраслях с большей долей мелких и средних фирм.

Уже к 2005 году, по оценкам японских экспертов, объем межфирменных электронных рыночных площадок составит 44 трлн. иен или 40 % всего объема электронной торговли на межфирменном уровне. Ожидается, что лидирующую роль в реализации взаимодействия на базе межфирменных электронных рыночных площадок будут играть электротехническая, строительная и автомо-

бильная отрасли. Их доли в отраслевой структуре составят 34, 20 и 18 % соответственно. Практически во всех отраслях на долю межфирменных электронных рыночных площадок в 2005 г. будет приходиться не менее 10 % объема электронной торговли на межфирменном уровне. Среди отраслей, которые будут наиболее активно использовать межфирменные электронные рыночные площадки, – электроэнергетическая и газовая, бумажная, электротехническая, транспортная и автомобильная отрасли – 57, 49, 46, 44 и 38 % объема межфирменной электронной торговли в соответствующих отраслях.

Анализ отраслевой структуры развития межфирменной электронной торговли позволил выявить, что использование электронной торговли расширяется по мере повышения степени стандартизации продукции отрасли. Компании, работающие в глобальных отраслях, в большей степени склонны к участию в электронной торговле, чем компании, ориентированные на местные рынки, на мелкосерийное или индивидуальное производство.

Помимо этого существует ряд факторов, ограничивающих развитие электронной торговли на межфирменном уровне среди японских компаний. Наиболее значимые из них – высокий уровень цен на телекоммуникационные услуги, необходимость дальнейшего развития Интернет-технологий, низкая эффективность систем информационной безопасности и недостаточное число компаний, участвующих в электронной торговле.

Как показывают приведенные выше цифры, межфирменная электронная торговля имеет реальные шансы стать катализатором выхода японской экономики из затянувшейся депрессии. Вместе с тем, электронная торговля несёт ряд угроз для компаний и отраслей японской промышленности, которые не осознают необходимости пересмотра стратегии и структуры бизнеса с учетом современных технологических возможностей. При этом нельзя слепо отождествлять усилия по развитию межфирменной электронной торговли с проявлениями спекулятивного ажиотажа по отношению к виртуальным компаниям и новейшим технологиям. Важно помнить, что Интернет – это инструмент, искусное владение которым является одним из источников конкурентоспособности как крупного, так и мелкого бизнеса, как в национальном, так и в глобальном масштабе. Причем источником конкурентоспособности компаний, работающих именно в “реальной” экономике – в машиностроении, электронике, химической отрасли. Именно по этому межфирменная электронная торговля рассматривается правительством и деловыми кругами Японии как один из ключевых факторов повышения конкурентоспособности экономики страны в условиях её активного вовлечения в глобализационные процессы.

Заключительное слово

Прежде всего разрешите поблагодарить Е.Л. Леонтьеву и В.Б. Рамзеса за глубокую научную разработку в представленных ими докладов темы сегодняшнего семинара «Япония и глобализация». Заслуживает похвалы и молодой научный сотрудник, аспирант С.Юрков, посвятивший свое выступление проблеме электронной торговли. Вместе с тем, не могу не отметить, что, по всей вероятности, отвечая со всей своей научной основательностью на вопросы членов семинара, докладчики «подавили» желание всех «неяпоноведов» участвовать в дискуссии¹. Естественно, не собирается этого делать и Ваш почтенный слуга. В своем заключительном слове я хотел бы привлечь внимание лишь к трем очевидным выводам.

Первый. Полагаю, что после выступления докладчиков, нам стали понятнее проблемы и «загадки» японского феномена кризиса национальной экономики последнего десятилетия: Япония с ее окостеневшей социально-экономической и бюрократической моделью догоняющего развития, «не вписалась» в начавшийся процесс глобализации. Поразительно, но аномальными оказались и структуры корпоративной собственности, и японский менеджмент, и финансовый рынок, контролируемый банками, и рынок труда с его системой «пожизненного найма» и оплаты работников в зависимости от стажа, и государственный патернализм в отношениях между фирмами и государством, словом, фактически все те специфические черты японской модели экономического развития, которые в 50-70-е годы сотворили «японское чудо» фантастического экономического роста. Японское общество, уверовавшее в своей исключительности - в шоке и растерянности. В настоящее время Япония все еще находится только в начале реформ «открытия» своей экономики могучим силам глобального рынка и глобальной конкуренции. Однако, японское общество, его правящая элита отнюдь не склонны отдавать этим стихийным силам страну. Идет трудный поиск новой глобальной роли Японии и новой ответственности японского государства. Пример Японии еще раз показывает, насколько сложен, специфичен, противоречив и непредсказуем процесс включения и приспособления любых стран к нарождающейся глобальной экономике.

Второй вывод. Усиление международной конкуренции, как одно из важнейших проявлений глобализации, оказывает, как известно, отнюдь не только позитивное воздействие на экономическое развитие. Во многих странах оно вызывает углубление кризиса традиционных и даже не очень традиционных отраслей и производств. Газеты и журналы переполнены статьями, в которых многие социологи да и политики, возросшие на политических «хлебах» социальной ориентации, обвиняют «глобалистов» (среди которых немало и наших братьев-экономистов) в забвении интересов человека. Полагаю, что не упрощая, естественно, противоречий, в том числе и социальных, вызываемых процессом глобализации как для отдельных слоев населения, так и для отдельных стран, было бы целесообразно обсудить правомерность широко распространенного клише о приоритете общества, а не экономики в развитии человечества в XXI веке. Может быть нам стоит еще раз обсудить такие вопросы, как, во-первых, насколько научно такое противопоставление на данном этапе истори-

¹ Докладчики, как правило, включают свои ответы на вопросы в представленные для публикации тексты.

ческого развития как противопоставление общества и экономики, и, во-вторых, насколько широко (я имею в виду по всему реестру стран мира) процесс глобализации основывается на развитии человека, способствует росту образования и квалификации рабочей силы, которые всегда были экономическим фундаментом политики социальной ориентации.

Третий вывод. Весьма вероятно, что в конце XX- начале XXI веков под прямым влиянием и воздействием экономической глобализации началось формирование нового мирового порядка, в котором тесно переплетены экономические, социальные, политические, дипломатические и военные факторы. В этой связи вопрос: не стоит ли нам на одном или двух семинарах обсудить вместе с социологами и политиками вероятные направления этого формирования мирового порядка? Надеюсь, этот вопрос обсудить на первом же нашем осеннем семинаре.